

Евгений Степанов
Субъективные размышления
об отсутствующем герое

Посвящается 125-летию Н. С. Гумилева

В период с 2007 по 2010 гг. в журнале прошли публикации автора¹, посвященные четырем годам участия Николая Гумилева в Первой мировой войне, составившие, практически, готовую к печати, но пока не изданную книгу «Поэт на войне». Приведенные ниже соображения могут рассматриваться как вступительная или заключительная часть книги, но фактически являются независимыми, субъективными размышлениями, к которым автор периодически возвращался на протяжении последних тридцати лет, иногда обсуждая их с друзьями и коллегами, но ни разу не попытавшись предать их в развернутом виде — бумаге. Относятся они к событиям последнего мирного года, предшествовавшего началу Первой мировой войны, точнее, к тому, как трактовала события 1913 года в своей «Поэме без героя» бывшая супруга поэта спустя десятилетия после его гибели. Впервые крамольные тогда мысли засели в голову в еще доперестроечные времена, и тогда же они часто предавались гласности на небольших сборищах, вначале в узком кругу друзей, а затем на небольших литературных вечерах, чаще всего не в столице, по месту жительства, а в городах, с которыми была тесно связана биография автора поэмы: в Киеве, Ленинграде и некоторых других местах. Благодаря этим вечерам круг знакомств автора существенно расширился, в него вошли и те, кто мог критически осмыслить предложенную трактовку, включая тогда еще живых, редких современников поэтов. От старшего поколения иногда звучали слова одобрения, чего нельзя сказать об оппонирующих профессиональных литературоведах. Последними изложенная версия подвергалась аргументированной и вполне обоснованной критике. Учитывая дилетантский уровень тогдашних знаний предмета, возражать было трудно, одна-

---

© Evgenii Stepanov, 2011

© TSQ 36, Spring 2011 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Toronto Slavic Quarterly. №№ 22, 24—29, 31.

ко собственные поиски встречных аргументов привели к тому, что на многие годы пришлось засесть за книги и архивные документы, заняться собственными исследованиями, одним из результатов которых стали, в том числе, и упомянутые выше публикации в журнале, которые, возможно, трансформируются в книгу. Именно в процессе объединения собранных материалов в книгу вдруг вспомнились давнишние выступления и дискуссии, и захотелось на «новом витке» проверить давние соображения, касающиеся поиска отсутствующего героя в «Поэме без героя» Анны Ахматовой. И либо окончательно отказаться от них, либо привести более убедительные аргументы в свою защиту и как-то их выстроить. чтобы представить на суд читателю. Для этого пришлось пересмотреть давние записи. Многие из них, действительно, оказались наивными, вызванными плохим знанием источников и документов, в свое оправдание добавлю, — тогда малодоступных, особенно для не специалиста. Вместе с тем, «ревизия» обнаружила, что почти все сомнительные соображения касались лишь частных фактов, не затрагивая сути по-прежнему требовавшего ответа вопроса.

Теперь о сути... Она сводится к тому, что в тех давнишних выступлениях, мы², в сопровождении иллюстрирующего рассказ показа слайдов, с демонстрацией действующих лиц, памятных мест и документов, пытались ответить на вопрос: кого могла Ахматова подразумевать в «отсутствующем герое» «Поэмы без героя». Вопрос можно было бы сформулировать и иначе, более конкретно: каково место Гумилева, мужа Ахматовой в 1913 году, в посвященной этому году «Поэме без героя»? Когда этот вопрос впервые засел в голову, сразу же пришлось столкнуться с тем фактом, что для почти всех ответ казался очевидным: Гумилев в «Поэме без героя», практически, отсутствует, а если и появляется, так где-то на «заднем плане», как второстепенное действующее лицо. Одновременно приводились «неопровержимые» доказательства, называлось множество несомненных прототипов упомянутых в поэме действующих лиц. Но внутренне согласиться с этим мешали два обстоятельства... Ведь точно и, безусловно, неслучайно Анна Ахматова в 1963 году в «Записной книжке» назвала одну из глав ненаписанной биографической книги: «Н. Гумилев. Самый непрочитанный поэт 20-го века»³. В том же 1963 году Ахматовой была перепечатана последняя, так называемая

---

² Соавтором тогдашних выступлений и главным исполнителем была Т. М. Лисичкина, с которой мы объездили и обошли все места, где происходили события.

³ Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). Giulio Einaudi editore. Москва, Torino, 1996. С.359. В дальнейшем ссылки на эту книгу: Ахматова-3К-1996.

«Девятая редакция» «Поэмы без героя», окончательный ее текст. Была завершена своеобразная, не знающая аналогов поэтическая летопись литературной жизни предреволюционного Петербурга, и с отсутствием в ней «самого непрочитанного поэта» и лично близкого человека соглашаться почему-то не хотелось.

Скорее всего, если бы недавно не был издан фундаментальный том, где впервые опубликованы и научно прокомментированы все десять редакций «Поэмы без героя», со всеми сопутствующими поэтическими и прозаическими текстами⁴, автор бы не решился представить свои «Субъективные размышления об отсутствующем герое» на суд читателя. Но сейчас, после публикации, практически, всех текстов «Поэмы без героя» и касающихся ее материалов, хотелось бы выслушать любые аргументированные возражения. На этом завершаю затянувшуюся преамбулу и перехожу к «субъективным размышлениям».

«Девятьсот тринадцатый год». Так Анна Ахматова во всех редакциях, начиная с первой, начатой в 1940 и завершенной в 1942 году, называла первую часть «Поэмы без героя». От этого последнего, рубежного и мирного года, она начинала отсчет всех грядущих катастроф «настоящего двадцатого века», первой из которых, безусловно, была Великая (позже названная Первой мировой) война, которую Николай Гумилев, единственный из литературного окружения Петербурга, прошел как воин от первого до последнего дня. Вчитаемся в текст «Поэмы без героя», чтобы либо согласиться с мнением большинства, либо попытаться найти хоть какие-либо следы присутствия поэта на страницах «Поэмы без героя»⁵.

«Петербург 1913 года. Лирическое отступление: последнее воспоминание о Царском Селе. Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет:

---

⁴ «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто. Материалы к творческой истории / Изд. подготовила Н. И. Крайневой. Изд. дом «Миръ». СПб., 2009. — 1488 с. В дальнейшем ссылки на эту книгу: Крайнева-2009.

⁵ Фрагменты «Поэмы без Героя» (если особо не оговаривается, для текстов из других редакций) приводятся по «Критически установленному тексту» в книге: Крайнева-2009. С.871—897. Цитируемые строки из других стихотворений Анны Ахматовой даются либо по двухтомнику: Анна Ахматова. Сочинения в двух томах / Составление и подготовка текста М. М. Кралина. Москва, 1990 (в дальнейшем: Ахматова-Кралин-1, 2), либо по собранию сочинений в 8 томах: Анна Ахматова. Собрание Сочинений в восьми томах. Тома 1—8. М., Эллис Лак, 1998—2005 (в дальнейшем: Ахматова-Эллис Лак-1...8).

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью,
По Неве иль против течения, —
Только прочь от своих могил.
На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.

<...>

И всегда в духоте морозной,
Предвоенной блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул,
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сутробах Невских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется, и не хочет
Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век».

Любопытно, что в этом отрывке, почти без изменений вошедшем уже в первую редакцию поэмы, упоминается ставшее позже хрестоматийным понятие «серебряный век» — короткий период нашей истории, названный так уже после его завершения. Хотя понятие «серебряный век» включило в себя разные стороны культурной жизни России, наиболее тесно оно слилось с выражением — «Серебряный век русской поэзии»⁶. Временными границами этого явления условно можно считать приблизительно тридцатилетний период, от последнего десятилетия XIX века, периода зарождения символизма в поэзии, до конца второго десятилетия XX века. Некоторые исследователи относят его завершение к 1917 году, полагая, что после октября 1917-го года, с началом Гражданской войны, «серебряный век» прекратил свое существование. Другие (включая автора публикации) связывают его окончание с августом 1921 года, с кон-

---

⁶ Увлекательная, почти «детективная» история поиска происхождения термина «серебряный век» и его смысла изложена в книге: Ронен Омри. Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000. Справедливости ради замечу, что автор книги, обратив внимание читателей на это употребление понятия «серебряный век» Ахматовой, находит более ранний источник использования этого термина, с которым Ахматова могла быть знакома.

кретными, хотя и не столь глобальными событиями, а именно, с уходом из жизни не схожих, но, по-разному, наиболее ярких его представителей, двух поэтов: со смертью Александра Блока и с расстрелом Николая Гумилева.

Приведенная цитата — из начала третьей главы «Поэмы без героя», первой ее части — «Девятьсот тринадцатый год». Главе предшествуют три эпиграфа, третий эпиграф — «То был последний год... М. Лозинский», — из написанного в 1914-м году стихотворения близкого друга Ахматовой и Гумилева Михаила Лозинского⁷:

То был последний год. Как чаша в сердце храма,
Чеканный, он вместил всю мудрость и любовь.
Как чаша в страшный миг, когда вино есть кровь.
И клир безмолвствует, и луч нисходит прямо.

Я к жертве наклонил спокойные уста,
Чтоб влить бессмертие в пречистый холод плоти,
Чтоб упокоить взор в светящейся дремоте.
И чуда не было. И встала темнота.

Но легким запахом той огненной волны
Больные, тихие уста напоены.
Блаженный и слепой, в обугленном молчанье,
Пока не схлынет смерть, я пью свое дыханье.

«Поэма без героя» — уникальное произведение, с одной стороны, всецело принадлежащее «серебряному веку», с другой стороны, — «реквием» по нему, завершенный спустя почти полвека после его конца. История гибели безвестного юного корнета и поэта преломляется Ахматовой в зеркале дальнейших судеб ее поколения, нашедшего гибель на ледяных просторах «Настоящего Двадцатого Века».

На площадке пахнет духами,
И драгунский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди

---

⁷ Михаил Лозинский. Горный ключ. Стихи. Изд. 2-е. Мысль. Пг., 1922. С. 117. Первое издание вышло в 1916 г. А на издании 1922-го года, принадлежавшем А. А. Ахматовой, дарственная надпись автора («лесенкой»): «Все той же // Ахматовой // Все тот же Лозинский». Текст стихотворения дан по книге, являющейся своеобразной «энциклопедией» «Поэмы без героя»: Анна Ахматова. Поэма без героя / Вступ. ст. Р. Д. Тименчика. Сост. и прим. Р. Д. Тименчика при участ. В. Я. Мордерера. МПИ. М., 1989. С. 88 (в дальнейшем: Тименчик-ПБГ-1989).

Позвонит, если смелости хватит...
Он мгновенье последнее тратит,
Чтобы славить тебя.
Гляди:
Не в проклятых Мазурских болотах,
Не на синих Карпатских высотах...
Он — на твой порог!
Поперек.
Да простит тебя Бог!
*(Сколько гибелей шло к поэту,
Глупый мальчик: он выбрал эту, —
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним откроется вид...)*

«Поэма без героя», как признавался сам автор, — зашифрованное произведение, и «зеркальность» пронизывает всю ее. Место действия, как комментирует Ахматова в одной из редакций Поэмы, «Белый зеркальный зал в Фонтанном Доме (работы Кваренги) через площадку от квартиры автора»: «И во всех зеркалах отразился // Человек, что не появился // И проникнуть в тот зал не мог»; «Кто стучится? // Ведь всех впустили. // Это гость зазеркальный? Или // То, что вдруг мелькнуло в окне...»; «В дверь мою никто не стучится, // Только зеркало зеркалу снится, // Тишина тишину сторожит...». И в прозаическом введении второй части, «Решка»: «...В печной трубе воеет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема. О том, что мерещится в зеркалах, лучше не думать». Наконец, в своеобразно комментирующей всю Поэму «Решке»:

Так и знай: обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?
Впрочем, это мне все равно.
Я согласна на неудачу
И смущенье свое не прячу...
У шкатулки ж тройное дно.

Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила...
Я зеркальным письмом пишу,
И другой мне дороги нету —
Чудом я набрела на эту
И расстаться с ней не спешу.

А в самом начале, озаглавленном как — «Вместо предисловия», Ахматова, остерегая читателя и упреждая неизбежные вопросы будущих слушателей поэмы, фактически, подталкивает их к собственным поискам, чем занимаются вот уже более полувека как профессиональные исследователи ее творчества, так и просто — любители русской литературы, поэзии Анны Ахматовой:

«До меня часто доходят слухи о превратных и нелепых толкованиях «Поэмы без Героя». И кто-то даже советует мне сделать Поэму более понятной. Я воздержусь от этого. Никаких третьих, седьмых и двадцать девятым смыслов Поэма не содержит. Ни изменять ее, ни объяснять я не буду. «Еже писахъ — писахъ»»⁸.

Так как автор публикации по своему образованию и образу мышления позиционирует себя более физиком и математиком, чем литературоведом, у него возникло желание поверить «алгеброй гармонию» и логически обосновать некоторые свои соображения касательно возможного местоположения в «Поэме без героя» главного действующего лица своих изысканий — Николая Гумилева. Такая проверка привела к достаточно неожиданным результатам, во многом отличным от общепринятой точки зрения на Поэму, поэтому захотелось поделиться ими с читателями. Как мне кажется, это может правильнее воспринять как весь путь, пройденный Николаем Гумилевым за четыре года войны, так и понять отношение к его оборванной «посредине странствия земного» жизни со стороны бывшей жены и автора «Поэмы без героя».

Сразу оговорюсь. Не было желания, чтобы изложенная ниже точка зрения воспринималась как истина в последней инстанции; убежден, что, по определению, поэма эта не может быть расшифро-

---

⁸ Любопытно история зарождения, развития и трансформации ее восприятия самим автором изложена младшим ее современником и царскоселом Д. Е. Максимовым («Несколько слов о «Поэме без героя»» в книге: А. Блок и его окружение // Блоковский сборник VI. Тарту, 1985. С. 137—158), впервые услышавшим поэму от автора 17 мая 1941 года и знакомого со всем процессом ее развития. В частности, он пишет: «После ряда разговоров с Анной Андреевной мне стало казаться, что созданное ею произведение в каком-то смысле озадачивает и самого автора. Обычно она говорила о своей поэме, не касаясь ее сути, видимо, затрудняясь в общем ее истолковании. Как будто не она писала поэму, а поэма приходила к ней извне, возникала само по себе, сомнамбулически. Ахматова прямо признавалась в то время, что не может объяснить свой «Триптих», а только подбирает к нему свои и чужие объяснения, как к музыкальному произведению. Поэтому и тогда, и впоследствии она с большим интересом и вниманием прислушивалась к отзывам слушателей и читателей поэмы». То есть, Ахматова как бы дала «карт-бланш» своим читателям на восприятие «Поэмы без Героя», и исходя из этого, оно не может быть однозначным. Поэтому я хочу предложить свое, также субъективное ее прочтение, дать собственную трактовку одного из многочисленных внутренних стержней поэмы, а читатель волен согласиться с нею или нет.

вана до конца, ведь именно к этому стремился ее автор. Она — многозначна, многомерна, калейдоскопична. Ведь как призналась Ахматова, — «Но сознаю, что применила // Симпатические чернила», и — «У шкатулки ж тройное дно» (в ранних редакциях «дно» было «двойным»)⁹. Как было сказано выше, предлагаемую ниже точку зрения на Поэму ранее приходилось неоднократно излагать устно, но далеко не у всех она находила отклик. Так как никогда не считал себя дипломированным специалистом и филологом, прислушивался к своим оппонентам, соглашался с ними; многократно пытался забыть о собственной трактовке, но — безуспешно. Причем, чем больше приходилось «входить в тему», знакомиться с многочисленной сопутствующей литературой, тем сложнее было отказаться от изложенной далее точки зрения. И все-таки наиболее важный толчок к тому, что я решился привести ее здесь, — это память о длительном ее обсуждении с сыном поэтов, Львом Николаевичем Гумилевым, память о его реакции. Не буду утверждать, что она была принята им безоговорочно, но, по крайней мере, равнодушным она его не оставила, и табу на ее распространение тогда, в 1980-х годах, в коммунальной квартире на улице Большой Московской в Ленинграде, — наложено не было. Скорее наоборот, было получено «добро» на ее продвижение. Если бы тогда произошло неприятие с его стороны такого подхода, не было бы и этого текста.

Могу заверить читателей и критиков, что мною были прочитаны горы книг и статей, относящихся к трактовкам «Поэмы без героя», к выявлению прототипов ее героев¹⁰. Оспаривать их не соби-

---

⁹ Вот что пишет об этом в указанной выше работе часто беседовавший с Ахматовой Д. Е. Максимов: «Содержащиеся в поэме признания о том, что «у шкатулки тройное дно», о «симпатическом письме», в вариантах — о «тайнописи», «криптограмме», «лунатизме» — не пустые декларации. <...> «Иррационализм», во всяком случае антирационалистичность, тайнопись проявились в «Поэме без героя» столько же в отношении к слову, сколько и в тематическом аспекте. Эти свойства поэмы мы находим в многочисленной подаче тем и образов (прежде всего, в двоящемся реально-призрачном образе Петербурга), в «поэтическом воздухе», в максимальном использовании «реквизита таинственного» («тайна», «сон», «маски», «зеркальность», «двойничество» «Владыка Мрака», «тень без лица и названья»), в зыбкости очертания персонажей и границ между ними, в нераскрытых намеках, в многозначности слов и умолчаний, в повествовательных и логических разрывах, в зазорах, отделяющих друг от друга словесные блоки (дискретность)».

¹⁰ Не буду перечислять всю эту литературу, сослюсь только, во-первых, на упомянутую «энциклопедию» по «Поэме без героя», составленную Романом Тименчиком: Тименчик-ПБГ-1989. С. 3—384; к книге этой следует добавить многочисленные публикации Тименчика, касающиеся интерпретации «Поэмы без героя». Во-вторых, назову также упомянутый фундаментальный труд на полутора тысячах страницах, подготовленный Н. И. Крайневой. Наряду с обширными (но далеко не полными) библиогра-

раюсь, со многими, полностью или частично, готов согласиться; однако ряд трактовок грешит тем, что к каждой фразе поэмы, как правило, стараются привязать какой-либо один, «свой» прототип. При этом, пытаясь доказать правоту своей единственно верной точки зрения, часто забывают о «тройном дне», о намеренной заселенности Поэмы «двойниками», о том, что Поэма — «без Героя».

Первая глава первой части поэмы, «Девятьсот тринадцатый год», начинается, как это ранее было принято во многих книгах, с изложения краткого прозаического содержания всей последующей главы: «Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору, вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженных. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление — «Гость из будущего». Маскарад. Поэт. Призрак». Большая часть комментариев к поэме, как правило, сводится к попыткам снять маски с этих ряженных «теней из тринадцатого года», назвать их по имени. Теней в поэме — множество. Выполняя свое обещание, Ахматова за масками ряженных часто скрывала собирательные образы, вбирающие в себя по несколько реальных прототипов. То есть, за каждым участником «Маскарада» может скрываться ряд «двойников». Поэтому достаточно бессмысленной кажется часто возникающая в разных публикациях полемика на тему — «кто есть кто». Сама Ахматова так относится к захватившему ее карнавальному действу:

С детства ряженных я боялась,
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень
Среди них «б е з л и ц а и н а з в а н ь я »
Затесалась...
Откроем собрание
В новогодний торжественный день!
Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану

фическими сведениями о посвященной Поэме литературе, в этом издании приводят все десять известных редакций Поэмы, и так называемый «Критически установленный текст». Делается также попытка канонизировать все сопутствующие Поэме прозаические отрывки Ахматовой, включая балетное либретто. Не давая здесь оценку этой книги, хочу лишь обратить внимание на излишнюю в ряде мест однозначность и безальтернативность трактовок со стороны составителя, но вместе с тем нельзя не отметить огромную проделанную работу по сбору воедино всех относящихся к Поэме авторских рукописных материалов. Приведенные в книге десять редакций «Поэмы без героя», а также относящиеся к ней все прозаические тексты позволяют заглянуть в лабораторию поэта и сделать собственные выводы. Большая часть цитируемых в публикации строк из Поэмы и прозы дана по «критически установленному тексту» Поэмы и по приведенным там же прозаическим «текстам в окончательном чтении».

И других бы просила...
постой,
Ты как будто не значишься в списках...

Сразу обозначу и назову одного из «двойников», соответствующих предлагаемой ниже трактовке: как мне кажется, он может быть прототипом «лишней тени», которая «не значится в списках». По моему мнению, тень эта падает как на значительную часть текста «Поэмы без героя», так и на многочисленные сопутствующие ей прозаические отрывки Анны Ахматовой, собранные в указанной выше посвященной поэме монографии. И источник ее — совершенно конкретное лицо, о котором автор поэмы не мог не думать на протяжении своей долгой жизни. Это — Николай Степанович Гумилев, «не значащийся в списках», изъятый из русской литературы на протяжении всех тех десятилетий, когда создавалась Поэма. Попробую доказать это (или хотя бы показать) — на конкретных примерах, фрагментах из Поэмы и связанной с нею прозы. Мысль эта, на протяжении многих лет, казалась лично мне весьма банальной, и в голову не приходило — излагать ее на бумаге. Но ныне, после выхода сводной монографии, когда были напечатаны (и прочитаны) десятки книг и публикаций, трактующих Поэму, я вынужден констатировать, что под таким углом зрения на тексты Поэмы до сих пор взглянуть внимательно мало кто пытался¹¹. Хотя, как будет показано ниже, сама Ахматова в ряде записей ориентировала читателя в этом направлении почти открытым или слегка зашифрованным текстом, что, возможно, объясняет ее слова об отсутствии в Поэме «третьих, седьмых и двадцать девярых смыслов».

Теперь вернемся к тексту поэмы, начав с ранее приведенного отрывка про «драгунского корнета», и будем искать «тени», которые, как представляется, отбросил наш отсутствующий герой, или его от-

---

¹¹ Отмечу три публикации на эту тему. Впервые присутствие, точнее «отсутствие» Гумилева в Поэме было обозначено в публикации: Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. Г. Ахматова и Кузмин // *Russian Literature*. 1978. № 6. С. 300. В этой работе гумилевский слой Поэмы был прослежен, по выражению Ахматовой, как «линия отсутствующего героя». Много интересных наблюдений зафиксировано в публикации: Чельницкая Инна. Скрытое присутствие Н. Гумилева в «Поэме без героя» А. Ахматовой // *Nikolaj Gumilev. 1886—1986. Papers from the Gumilev Centenary Symposium. Held at Ross Priory, University of Strathclyde, 1986 / Edited, with an introduction, by Sheelagh Duffin Graham. Berkeley Slavic Specialties, 1987. P. 77—101*. Наконец, отмечу публикацию, концептуально совпадающую с моим подходом: Финкельберг Маргарита. О герое «Поэмы без героя» // *Русская литература*. 1992. № 3. С. 207—224. Автор, следуя отличным путем и используя иные доказательства, приходит к сходным выводам. Однако, во многих случаях с системой использованных доказательств согласиться сложно.

ражения в многочисленных, разбросанных по Поэме «зеркала». Попробуем разгадать, что может скрывать под собой «тройное дно», какой текст может проступить, если попытаться прочесть — написанное «симпатическими чернилами». Прототип корнета известен совершенно точно; это юный поэт Всеволод Князев (25.1.1891, Петербург — 5.4.1913, Рига), самоубийство которого в Риге в 1913-м году, предположительно, из-за несчастной любви к другой героине Поэмы, к «Путанице-Психее», артистке и подруге Ахматовой О. А. Глебовой-Судейкиной, легло в основу внешней сюжетной канвы Поэмы. Историю этого самоубийства исчерпывающе изложил Роман Тименчик в журнале «Даугава»¹². Но в нашем случае она не важна, мы занимаемся поиском конкретной «тени». По моему мнению, причина выбора Ахматовой такого сюжета связана, с одной стороны, с самим фактом неожиданной, преждевременной смерти юного поэта (кстати, сам прототип не опубликовал к моменту самоубийства ни одного своего стихотворения), а с другой стороны, с тем, что В. Князев служил тогда в 16-ом гусарском Иркутском полку, расквартированном в Латвии, в Риге. На самом деле Князев до звания корнета в жизни не дослужился, он был юнкером, ему еще предстояло сдавать офицерские экзамены, и пока он оставался вольноопределяющимся, младшим унтер-офицером. Как и Гумилев к моменту перехода из Лейб-гвардии уланского кавалерийского полка в 5-й гусарский Александрийский полк, также расквартированный в Латвии тогда, когда Гумилев в него прибыл в младшем офицерском чине прапорщика. Ахматова, развивая линию «зеркальности» Поэмы, ввела в нее «двойников», и своим двойником она прямо называет упомянутую возлюбленную В. Князева: «Петербургская кукла, актерка, // Ты — один из моих двойников...» Одним из двойников самого Князева, с моей точки зрения, является Николай Гумилев, который, по крайней мере, в представлении Ахматовой и по ее рассказам, несколько раз предпринимал попытки самоубийства из-за любви к ней¹³, и, в конечном итоге, его жизненный путь был также оборван преждевременно, хотя и не по своей воле. Поэтому не случайно, как мне представляется, продолжение фрагмента о самоубийстве Князева в Поэме, рассказ про то, «сколько гибелей шло к поэту». Упомянув о том, что нашел он ее не «не на синих Карпатских высотах, не в проклятых

---

¹² Тименчик Роман. Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Даугава. 1984. № 2. С. 113—121.

¹³ У автора сложное отношение к рассказам Ахматовой о попытках самоубийства Гумилева. Отличная от общепринятой точка зрения изложена в публикации: Степанов Евгений. «Неакадемические комментарии» // Toronto Slavic Quarterly. № 17.

Мазурских болота», Ахматова еще раз подсказывает читателю направление поиска. Ведь свою службу Гумилев начинал как раз в районе Мазурских болот, участвуя в наступлении на Восточную Пруссию. Первая Армия, в которую входил Уланский полк Гумилева, должна была обойти Мазурские болота с севера, а Вторая Армия генерала Самсонова — с юга. Операция была проведена неудачно, армия Самсонова попала в окружение, командующий покончил жизнь самоубийством, а на Мазурских болотах нашли свое последнее пристанище тысячи русских солдат. Позже, летом 1915-го года, Гумилев со своим полком оказался на Западной Украине, недалеко от Карпатских высот. Думаю, что это место в Поэме, отсылка именно к этим местам боевых действий Первой мировой войны была выбрана Ахматовой сознательно (или, как она признавалась Максимо-ву, по внутреннему наитию), чтобы тем самым указать на «двойника» несчастного влюбленного поэта.

В конце первой главы Поэмы, сразу же за приведенным выше эпизодом «С детства ряженых я боялась...», идет фрагмент, который Ахматова связывала в своих прозаических комментариях к поэме с «**Поэтом вообще, Поэтом с большой буквы**» (выделено самой Ахматовой¹⁴):

Ты как будто не значишься в списках,
В калиострах, магах, лизисках,
Полосатой наряжен верстой, —
Размалеван пестро и грубо —
Ты ...
    ровесник Мамврийского дуба,
    Вековой собеседник луны.
Не обманут притворные стоны,
Ты железные пишешь законы,
Хаммураби, ликурги, солоны
    У тебя поучиться должны.
Существо это странного нрава.
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
    В юбилейные пышные кресла,
    А несет по цветущему вереску,
    По пустыням свое торжество...

Поискам «прототипа Поэта вообще» посвящены многочисленные публикации, перечислять их здесь не имеет смысла. Его образ, безусловно, — собирательный. Но лично я воспринимаю вопрос о

---

¹⁴ Крайнева-2009. С. 1051.

прототипе, по крайней мере, одного из его «двойников» — как риторический. О ком из поэтов, современников автора, можно было сказать, что он «несет по цветущему вереску, по пустыням свое торжество»? Напомню лишь, что Николай Гумилев как раз летом 1913-го года участвовал в экспедиции от Музея этнографии и антропологии Императорской Академии наук в Абиссинию, и пересек тогда жаркие, безводные пустыни в областях Арусси и Анниа. И «писать железные законы» поэтического мастерства было свойственно создателю акмеизма. Так что одним из «двойников Поэта вообще» (конечно, не единственным!) в Поэме является, опять же, Николай Гумилев.

К окончанию этого фрагмента Поэмы о «поэте вообще», связанному с тем, как завершилась его жизнь, мы вернемся ближе к концу рассказа. В приведенном выше отрывке любопытен также фрагмент про «подагру и славу», который Ахматова своеобразно комментировала в «Записных книжках»¹⁵: «Аллюзии на стихотворение английского поэта Роберта Браунинга (1812—1889) «*Dis Aliter Visum: or, Le Bugon de nos Jours*» (1864). («Боги судили иначе, или Байрон наших дней»), где «подагра», «слава», теплое кресло, являясь атрибутами неминуемой старости, противопоставлены красоте, любви, фантазиям — атрибутам проходящей молодости. В записях о связях и «совпадениях» «Поэмы без Героя» с произведениями русской и мировой литературы Ахматова указывала: «Браунинг — (подагра усадила. *Dis aliter visum*)», «Браунинг (*Dies <sic!> aliter visum* — подагра и слава)», «R. Browning *Diis <sic!> aliter visum* (Подрага и слава...)»¹⁶. Но в комментариях Н. Крайневой не отмечается тот факт, что именно Гумилев, как раз в 1913-м году, накануне войны, перевел и опубликовал в «Северных записках» пьесу Роберта Браунинга «Пиппа проходит»¹⁷. Неизвестно, переводил ли он упоминаемое Ахматовой стихотворение Браунинга, но аналогичная теме — не достижения славы, ранней казни за участие в заговоре, за связь с карбонариями, — звучит в переводе пьесы, с которым Ахматова наверняка была знакома. Вот, например, монолог одного из действующих лиц этой странной пьесы, Луиджи:

«...Я над собой смеюсь, когда чрез город
Иду и вижу оживленье, будто
Италия свободна, и решаю —
«Я молод и богат; к чему ж смущаться

¹⁵ Крайнева-2009. С. 910; смотрите также — Тименчик-ПБГ-1989. С.14.

¹⁶ Ахматова-ЗК-1996. С. 237, 258, 276.

¹⁷ Опубликована в двух номерах журнала «Северные записки», 1914, № 3 и № 4.

Мне более других?» Но вот, смущаюсь!
Не это даже! — но пока гуляю,
Все пенье, все скаканье, опьяненье,
Все приключения юности моей,
Все сны, забытые давно, пустые,
Все возвращается, чем я ни занят;
Земля со мною в перемирье, небо
Дружит со мной, и все вокруг приветно,
Цикады даже кличут: «Вот он, вот!
Прославим час его, он на пути
Для мира, он наш друг, его прославим!»
И я, в ответ на это все, спокойно
На плаху поднимусь: я отправляюсь
Сегодня, мать!..»

На той же странице «Прозы о Поэме», на которой говорится о «Поэте вообще, Поэте с большой буквы», сразу же за этим фрагментом, Ахматова продолжает¹⁸: «Характеры развивались, менялись, жизнь приводила новые действующие лица. Кто-то уходил. Борьба с читателем продолжалась все время. <...> Первый росток (первый толчок), который я десятилетиями скрывала от себя самой, это, конечно, запись Пушкина: «Только первый любовник производит впечатление на женщину, как первый убитый на войне...». Всеволод был не первым убитым и никогда моим любовником не был, но его самоубийство было так похоже на другую катастрофу ..... что они навсегда слились для меня. Вторая картина, навсегда выхваченная прожектором памяти из мрака прошлого, — это мы с Ольгой после похорон Блока, ищущие на Смоленском кладбище могилу Всеволода (+1913). «Это где-то у стены», — сказала Ольга, но найти не могли. Я почему-то запомнила эту минуту навсегда». По мнению Р. Тименчика¹⁹ (поддержанному и без ссылки переписанному Крайневой), под «другой катастрофой», к которой Ахматова отсылает нас длинным отточием, она подразумевала самоубийство сына директора С.-Петербургского кадетского корпуса Михаила Александровича Линдеберга в ночь на 23 декабря 1911-го года. Как писали в газете, «причины, побудившие его кончить жизнь, говорят, — романтические»²⁰. Соглашаясь с этим мнением, от себя не могу не заметить,

---

¹⁸ Крайнева-2009. С. 1124.

¹⁹ Даугава. 1984. № 2. С. 121.

²⁰ М. А. Линдеберг был влюблен в Анну Ахматову, и она об этом знала. Отмечу также, что по мнению авторитетных исследователей творчества и биографии Ахматовой именно Михаил Линдеберг был первым любовником Анны Горенко. По крайней мере, над многоточием, после слов «на другую катастрофу.....», Ахматова вписала дату самоубийства Линдеберга. Соображение это не ввожу в основной текст, так как

что, как мне кажется, самоубийство Линдеберга — это лишь «второе дно» шкатулки, но есть еще и «третье», не менее значимое. На него указывает «вторая картина», выхваченная Ахматовой «из мрака прошлого». 1-го августа 1965-го года она записала в «Записной книжке»²¹: «И все-таки он явился. Сегодня. — Илья. Вчера всю ночь катался на своей колеснице по небу. 51 год тому назад началась та война — как помню тот день (в Слепневе) — утром еще спокойные стихи про другое («От счастья я не исцеляю»), а вечером вся жизнь — вдребезги²². Это один из главных дней. Теперь пойдут августовские «юбилеи». Завтра день ареста Гумилева (3 августа). Сорок четыре года тому назад. Я узнала об его аресте на Смоленском кладбище — похороны Блока». И в другом месте²³: «Об аресте Н. С. я узнала на похоронах Блока. «Запах тленья обморочно-сладкий» в моем стихотворении «Страх», **написанном ночью 25 августа**, относится к тем же похоронам. О смерти Н. С. я узнала (прочла в газете на вокзале) 1 сентября в Царском Селе, где я жила (против дома Китаевой) в полубольнице, полусанатории и была так слаба, что ни разу не пошла в парк. 15-го сентября я написала «Заплаканная осень»²⁴». Не из-за

считаю, что в контексте основного рассказа оно мало что меняет — кроме того, что расширяет круг «двойников», населяющих Поэму. В связи с упоминанием Линдеберга, приведу также одну странную параллель, связанную с единственной двухдневной встречей Анны Ахматовой с Мариной Цветаевой 7-8 июня 1941 года. Ахматова тогда прочитала ей фрагменты «Поэмы без героя», на что Цветаева «язвительно заметила: ««Надо обладать большой смелостью, чтобы в 41 году писать об арлекинах, коломбинах и пьере», очевидно, полагая, что поэма — мирискусничная стилизация в духе Бенуа и Сомова...» (Ахматова-ЗК-1996. С. 549). В ответ Цветаева тогда подарила Ахматовой «Поэму воздуха». Мне неизвестно, знала ли Ахматова о том, что поэма Цветаевой была посвящена почти однофамилице ее первого любовника, американскому летчику Чарльзу Линдбергу, впервые перелетевшему в мае 1927-го года через Атлантический океан, из США во Францию; предполагаю, что Цветаева вполне могла сообщить об этом Ахматовой. «Воздушная» же тема «полета» еще возникнет в дальнейшем рассказе о «Поэме без Героя».

²¹ Ахматова-ЗК-1996. С. 652.

²² Любопытно примечание самой Ахматовой в этом месте: «Недоумевающий Лева повторял: «Баба Анна — пачет, мама — пачет, тетя Хуха — пачет». И завьли бабы по деревне».

²³ Анна Ахматова. Десятые годы / Послесловие Р. Д. Тименчика. Сост. и прим. Р. Д. Тименчика и К. М. Поливанова. МПИ. М., 1989. С. 262.

²⁴ Стихотворение посвящено памяти убитого поэта и бывшего мужа, однако в стихотворении она ощущает себя как его вдова; с таким восприятием мы столкнемся и в Поэме:

Заплаканная осень, как вдова
В одеждах черных, все сердца туманит...
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.

этого ли она «запомнила эту минуту — навсегда»? И уже тогда в ее сознании слились два имени, два двойника — Всеволод Князев и Николай Гумилев, могилы которых, когда писалась Поэма, обнаружить было невозможно. Слегка отвлекусь и отмечу особое отношение Ахматовой к забытым могилам, особенно к тем захоронениям, которые так и остались для потомков — неизвестными. Свое отношение к этому она иносказательно высказала в написанном в 1963 году эссе «Пушкин и Невское взморье», посвященном поискам Пушкиным могилы декабристов на острове Голодай²⁵: «Этим Пушкин, несомненно, горько попрекает Николая I, который не только не вернул родным тела казненных декабристов, но велел закопать их на каком-то пустыре. <...> Пушкин нарочно приводит точные данные, когда тела были возвращены родным, чтобы еще раз напомнить царю, как в подобных случаях принято поступать: «Их мирно церковь приютила». <...> Напомню, что Пушкин говорит о телах только что казненных государственных преступниках». Еще более откровенно примечание Ахматовой к этим строкам своего текста в той же «Записной книжке»: «Это Пушкин намекает **нынешним** (выделено мной — С. Е.) Кочубеям, что им бы не мешало гордиться так страшно погибшим предком».

«Каноническая» дата гибели Гумилева точно указана во «Вступлении». Поэма на протяжении двух десятилетий дополнялась, трансформировалась, но текст «Вступления» не менялся с самой ранней, первой редакции 1942-го года. Единственное отличие — во всех ранних редакциях был проставлен только месяц, точная дата впервые появилась в 5-й редакции 1956-го года. Отметим, что во «Вступлении» указана не просто дата, а обозначен юбилейный год, двадцатилетие:

ВСТУПЛЕНИЕ

ИЗ ГОДА СОРОКОВОГО,
КАК С БАШНИ, НА ВСЕ ГЛЯЖУ.
КАК БУДТО ПРОЩАЮСЬ СНОВА
С ТЕМ, С ЧЕМ ДАВНО ПРОСТИЛАСЬ,

И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой...
Забвенье боли и забвенье нег —
За это жизнь отдать не мало.

²⁵ Ахматова-Эллис Лак-6. С.191. Ахматова-ЗК-1996. С. 295, 300. Отмечу также, что в упомянутой выше публикации Инны Чечельницкой пушкинские штудии Ахматовой, связанные с поисками Пушкиным могил декабристов, логично сопоставляются с ее собственными поисками места расстрела Гумилева.

КАК БУДТО ПЕРЕКРЕСТИЛАСЬ
И ПОД ТЕМНЫЕ СВОДЫ СХОЖУ.

25 августа 1941 г.

Осажденный Ленинград

Почему-то в комментариях Крайневой сказано, что эта дата «ассоциировалась в памяти Ахматовой с началом осадного положения Ленинграда и первых бомбардировок города»²⁶. Сомневаюсь... Как свидетельствовала она сама, день этот ассоциировался в ее памяти совсем с другим событием: «В 1928 году Мандельштамы были в Крыму. Вот письмо Осипа от 25 августа (день смерти Гумилева)...»²⁷. Непосредственно в этот день 1941 года Ахматову навестил Лукницкий, о чем есть запись в его дневнике²⁸: «25.08.1941. Заходил к А. А. Ахматовой. Она лежит — болеет. Встретила меня очень приветливо, настроение у нее хорошее, с видимым удовольствием сказала, что приглашена выступить по радио...». Первый обстрел Ленинграда пришелся на 4-е сентября, об этом ее стихи — «Первый дальнотбойный в Ленинграде». Первый воздушный налет на город — 6 сентября, а официальная дата начала блокады города — 8 сентября. Вряд ли она обо всем этом — забыла. 28 сентября Ахматова улетела из Ленинграда в Москву, и далее, через Чистополь, в Ташкент. Ахматова часто проставляла под стихами — даты, множество дат отмечено в «Поэме без героя». Не всегда обозначенные ею числа соответствуют реальным событиям, указывают на точное время написания стихотворения, скорее, к ним, в ряде случаев, следует относиться как к неким «шифровальным ключам», записанным «симпатически чернилами» и указывающим читателю на скрытый смысл того, о чем идет речь в соответствующем фрагменте или стихотворении.

Само появление «Вступления», по моему мнению, связано не с тем событием, о котором идет речь в использованных Н. Крайневой воспоминаниях Л. К. Чуковской²⁹: «...Помню, что как-то раз Анна Андреевна прочитала «Поэму» у меня дома — Александре Иоси-

---

²⁶ Крайнева-2009. С. 902.

²⁷ Ахматова-Эллис Лак-5. С. 37 (из воспоминаний о Мандельштаме). Кстати, именно в этом письме, думаю, благодаря той же ассоциации, Мандельштам писал Ахматовой: «Знайте, я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с Вами. Беседа с Колей не прерывалась и никогда не прервется...»

²⁸ Лукницкая В. К. Перед тобой земля. Л., 1988. С. 220. Скорее всего, посещение Лукницким Ахматовой именно в этот день было связано с памятной датой, и следствием этого стали строки «Вступления».

²⁹ Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. 1938—1941. Том первый. М., 1997. С. 220.

фовне <Любарской>, Тамаре Григорьевне <Габбе> и мне. Тамара Григорьевна сказала: — Когда слушаешь эту вещь, такое чувство, словно вы поднялись на высокую башню и с высоты поглядели назад... Эти слова впоследствии вызвали к жизни строки во «Вступлении» к «Поэме»: Из года сорокового, // Как с башни, на все гляжу...» Во-первых, эти строки, как мы теперь знаем, попали уже в первую редакцию Поэмы, а приведенные воспоминания Чуковской записаны только в 1967 году, так что не исключено, что, наоборот, — запомненные Лидией Корнеевной слова Габбе были навеяны этими строками³⁰. А во-вторых, есть еще один источник «Вступления», опять же, связанный с Гумилевым³¹: «Возможно, Ахматова отсылает к рецензии Н. С. Гумилева на первый сборник Е. Кузьминой-Караваевой «Скифские черепки», цитировавшего строки: «Смотрю, смотрю с одинокой башни, // Ах, заснуть, заснуть бы непробудно!»». Приводя эти строки своей родственницы, Гумилев сопровождает их редкими для него рассуждениями о России³². Здесь уместно также напомнить, что хорошо знавшая Ахматову, встречавшаяся с нею как в Петербурге, так и в Слепневе, Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, ставшая после эмиграции, в Париже, монахиней «Матерью Марией», в 1945 году была сожжена в газовой камере концлагеря Равенсбрюк.

Если исходить из того, что каждое действующее лицо Поэмы может иметь по несколько двойников, тогда, при внимательном чтении, многие фрагменты возможно соотнести с тем прототипом, который, по моему предположению, скрыт под маской «Поэта с большой буквы». Вот еще несколько примеров.

Вся Поэма пронизана как явными («закавыченными»), так и скрытыми цитатами³³. В приведенном выше фрагменте четвертой главы о самоубийстве юного поэта («На площадке пахнет духа-

---

³⁰ По крайней мере, в опубликованном Крайневой раннем «Списке Л. К. Чуковской» это «Вступление» уже присутствует.

³¹ Ахматова-Эллис Лак-3. С. 520—521. Смотрите также Тименчик-ПБГ-1989. С. 25.

³² Аполлон. 1912. № 3—4. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в десяти томах (в дальнейшем: ПСС-1...8 и № произведения). Том 7. № 40. С.120—121.

³³ Возможно, именно с этим связана строка из «Решки»: «Так и знай: обвинят в плагиате...». Сама строфика и метрика Поэмы во многом была позаимствована Ахматовой у Кузьмина, из его поэмы «Форель разбивает лед». Здесь неуместно отсылать читателя ко всем источникам цитирования. Ахматова тогда не могла догадываться, что ее Поэму впоследствии будут считать предтечей «постмодернизма». Если заглянуть в энциклопедию, посмотреть определение этого понятия, легко убедиться что «Поэма без Героя» удовлетворяет всем его критериям, сформулированным специалистами через много лет после ее смерти. Смотрите, например, публикацию: Кихней Л. Г., Темиршина О. Р. «Поэма без героя» Анны Ахматовой и поэтика постмодернизма // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2002. № 3. С. 53—62.

ми...»), начинающейся эпитафией, двумя строками из стихотворения Всеволода Князева, можно обнаружить несколько таких цитат, но не о них будет идти речь:

И дождался он. Стройная маска
На обратном «Пути из Дамаска»
Возвратилась домой... не одна!
Кто-то с ней «б е з л и ц а и н а з в а н ь я »...
Недвусмысленное расставанье
Сквозь косое пламя костра
Он увидел. Рухнули зданья...
И в ответ обрывок рыдания:
«Ты — Голубка, солнце, сестра! —
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь м о е й в довою,
А теперь...
Прощаться пора!»

Здесь обращает на себя внимание то, что Ахматова одновременно чуть ли не дословно цитирует саму себя, во-первых, еще раз назвав «лишнюю тень», «б е з л и ц а и н а з в а н ь я », во-вторых, «зеркально» повторив строки из первой главы, следующие почти сразу за описанием «Поэта с большой буквы»:

*Это все наплывает не сразу,
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шепот: «Прощай! Пора!
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь м о е й в довою,
Ты — Голубка, солнце, сестра!»
На площадке две слитые тени...
После — лестницы плоской ступени,
Вопль: «Не надо!» — и в отдаленьи
Чистый голос:
«Я к смерти готов».*

Очевидно, что эти строки не могут быть обращены к «другунскому корнету со стихами». Но они, как мне кажется, четко проецируются на его предполагаемого «двойника», вдовой которого вполне можно считать Ахматову. Заключительные его слова, «Я к смерти готов», — ни что иное, как цитата из пьесы Николая Гумилева «Гондла», его монолог перед смертью:

«Вы отрунули таинство Божье,
Вы любить отказались Христа,

Да, я знаю, вам нужно подножье
Для его пресвятого креста!
(Ставит меч себе на грудь.)
Вот оно. Я вином благодати
Опьянился и к смерти готов...

Последний пример, который я хочу привести (хотя в тексте Поэмы, при желании, можно найти еще множество аналогичных аллюзий), перекликается с приведенной выше фразой «Я к смерти готов». Это — заключительная строфа второй части «Поэмы без Героя» «Решка», как бы поясняющей и дополняющей изложенное автором в первой части Поэмы³⁴:

<...> А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу,
Мы с тобой еще попируем,
И я царским своим поцелуем
Злую полночь твою награжу».

Сразу под этими строками, как предполагаю, не случайно, проставлена дата и место написания: «5 января 1941. Фонтанный Дом, в Ташкенте и после». То есть автор однозначно отсылает нас в 1921-й год. Почему именно в этот год, думаю, комментировать не требуется. Состав «Решки», начиная с первой редакции, постоянно менялся, одни строфы появлялись, другие исчезали (в первой редакции было 14 нумерованных строф, в «критически установленном тексте» Крайневой — 25 пронумерованных строф). Однако, эта строфа, с проставленной за нею датой, присутствует во всех редакциях как заключительная строфа «Решки», в том же виде, как и в окончательном варианте. Только в первом варианте первой редакции вначале

---

³⁴ Эта заключительная строфа «Решки», в авторской транскрипции, является как бы продолжением предшествовавшей, она завершается закрытием кавычек, открытых в предыдущей строфе: «Но она твердила упрямо: // «Я не та английская дама // И всем не Клара Газуль, // Все нет у меня родословной, // Кроме солнечной и баснословной, // И привел меня сам Июль. <...>». Как мне кажется, такое разбиение закавыченного фрагмента можно объяснить следующими словами Ахматовой из «Прозы о Поэме» (Крайнева-2009. С. 1142): «И только сегодня мне удалось окончательно сформулировать особенность моего метода (в Поэме). Ничто не сказано в лоб. Сложнейшие и глубочайшие вещи изложены не на десятках страниц, как они привыкли, а в двух строчках, но для всех понятных. <...>». В самом деле, если бы не эти кавычки, тогда бы получалось, что та мысль, которую я здесь пытаюсь сформулировать, сказана Ахматовой — «в лоб». Позже я еще раз вернусь к этим двум заключительным строфам «Решки».

было — «Мы с тобой еще повоюем», но уже там «повоюем» исправлено на «попируем». Замечу также, что во всех ранних редакциях последние две строфы не были «объединены» кавычками. Так что как на первую часть, «Девятьсот тринадцатый год», так и на вторую, «Решка», падает тень Николая Гумилева, хотя сам он там — не появляется.

Не навязывая эти соображения, все-таки хотелось бы, чтобы их учитывали при чтении Поэмы. Необходимо теперь вспомнить о названии поэмы, данном ей автором — «Поэма без Героя». В своих комментариях Н. Крайнева настаивает на том, что «Героя» следует писать с большой буквы³⁵. Готов с этим согласиться, хотя сама Ахматова, особенно в ранних редакциях, часто употребляла написание «героя» со строчной буквы. Например, и в монографии Крайневой, и в 3-м томе «Сочинений» Ахматовой факсимильно воспроизводятся рукописи отдельных редакций, и в обоих случаях мы видим написание — «Поэма без героя». Возможно, решение писать «Героя» с большой буквы было принято Ахматовой на поздней стадии работы над поэмой, что особенно заметно в сохранившихся «Записных книжках», которые заполнялись на протяжении 1958—1966 годов. Там почти всюду, когда речь заходит о поэме, название обозначено как — «Поэма без Героя». В большинстве рукописей и машинописей поздних редакций все название дано заглавными буквами — «ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ».

По моему мнению, написание «Героя» с большой буквы может предполагать, во-первых, то, что под «отсутствующим Героем» «Поэмы без Героя» скрыто некое конкретное лицо, которое мы пытаемся «вычислить», а не абстрактное понятие некоторого «действующего лица», во-вторых, это связано с двойственными семантическими особенностями слова, или понятия — «Герой», об этом будет сказано чуть позже. Если в тексте самой Поэмы и в кратких «Примечаниях редактора», составленных Ахматовой, ни одна маска с участников «Маскарада» не снимается, то в многочисленных прозаических записях, составляющих два раздела, «Проза о Поэме» и «Наброски балетного либретто по „Поэме без Героя“», Ахматова сбрасывает почти все маски, называя десятки имен своих современников, участвовавших в «Маскараде». Наиболее интересен фрагмент <30>³⁶ из «Записной книжки» Ахматовой № 11, воспроизведенный ниже. Причем в «Записной книжке» запись эта составляет единое целое с двумя другими записями, которые никогда ранее не сопоставлялись,

---

³⁵ Крайнева-2009. С. 13.

³⁶ Крайнева-2009. С. 1068—1067, 1144—1146.

хотя параллельное их чтение дает дополнительную пищу для размышлений. Текст дан по «Записной книжке»³⁷, но не «академически»: для лучшего восприятия устранены обычно указываемые в скобках авторские сокращения, не приведены зачеркнутые Ахматовой варианты, для удобства чтения вставлены поправки и дополнения, на листах оригинала вписанные Ахматовой внизу соответствующих страниц.

(Маскарад)

Новогодняя чертовня

Ужас в том, что на этом маскараде были «все». Отказа никто не прислал. И не написавший еще ни одного любовного стихотворения, но уже знаменитый Осип Мандельштам («Пепел на левом плече»), и приехавшая из Москвы на свой «Нездешний вечер» и все на свете перепутавшая Марина Цветаева, и будущий историк и гениальный истолкователь Десятых годов Бердяев. Тень Врубеля. От него все демоны XX в., первый он сам... Таинственный деревенский Клюев, и заставивший звучать по-своему весь XX век великий Стравинский, и демонический Доктор Дапертутто, и погруженный уже пять лет в безнадежную скуку Блок (трагический тенор эпохи), и пришедший, как в «Собаку» — Велимир I, и бессмертная тень — Саломея, которая может хоть сейчас подтвердить, что все это — правда (хотя сон снился мне, а не ей), и Фауст — Вячеслав Иванов («Есть, Фауст, казнь...»), и прибежавший своей танцующей походкой и с рукописью своего «Петербурга» под мышкой — Андрей Белый, и сказочная Тамара Карсавина, и я не поручусь, что там, в углу, не поблескивают очки Розанова и не клубится борода Распутина, в глубине залы, сцены, ада (не знаю чего) временами гремит не то горное эхо, не то голос Шаляпина. Там же иногда пролетает не то царскосельский лебедь, не то Анна Павлова. А уж добриковский Маяковский наверно курит у камина. <...> (Но в глубине «мертвых» зеркал, которые оживают и начинают светиться каким-то подозрительно мутным блеском, и в их глубине одноногий старик-шарманщик (так наряжена Судьба) показывает всем собравшимся их будущее — их Конец). Последний танец Нижинского, уход Мейерхольда.

Нет только того, кто непременно должен был быть, и не только быть, но и стоять на площадке и встречать гостей...
А еще

Мы выпить должны за того,

Кого еще с нами нет.

<...>

---

³⁷ Ахматова-ЗК-1996. С. 207—208.

Себя я не вижу, но я, наверно, где-то спряталась, если я не эта Нефертити³⁸ работы Модильяни. Вот такой он множество раз изображал меня в египетском головном уборе в 1911 г. Листы пожрало пламя, а сон вернул мне сейчас один из них.

Очень любопытен этот перечень, в который Ахматова, действительно, включила почти всех своих знаменитых современников. И он дает нам возможность предположить, кого не было на этом «Маскараде». Им, по моему мнению, не может не быть Николай Гумилев (хотя и у него могут оказаться свои «двойники»). Отсутствие его среди упомянутых имен никак не может быть объяснено «забывчивостью» автора или отношением к нему как малозначимому персонажу. Это подтверждается, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, сноской на Гумилева при упоминании себя (как присутствующей!). Во-вторых, двумя стихотворными строчками, — «Мы выпить должны за того, // Кого еще с нами нет...», из собственного стихотворения «Новогодняя баллада» сборника «Anno Domini MCMXXI», изданного в 1923 году. Стихотворение включено в третий раздел книги «Голос памяти», с эпиграфом из Гумилева: «Мир — лишь луч от лика друга, // Все иное — тень его. *Н.Гумилев*». Весь этот раздел — дань памяти безвременно ушедшему поэту, бывшему мужу³⁹. О значимости этого стихотворения при написании Поэмы говорит и то, что фраза из него вошла в самое начало первой главы, причем дана она со страничным примечанием автора; других раскрытий явных и скрытых цитат (хотя их множество), непосредственно в тексте Поэмы — Ахматова не дает:

Я зажгла заветные свечи,
Чтобы этот светился вечер,
И с тобою, ко мне не пришедшим,
Сорок первый встречаю год.
Но...

---

³⁸ (Примечание Ахматовой на полях страницы) — А для Николая Степановича я была чем-то средним между Семирамидой и Феодорой. (А еще Дева Луны в «Пути Конквистадоров»). Мои атрибуты всегда — луна и жемчуг («Анна Комнена»). У Амедео наоборот: он был одержим Египтом и поэтому ввел меня туда.

³⁹ В вышедших двух первых изданиях книги «Anno Domini», 1921 и 1923 годов, этого стихотворения, возможно по этическим или цензурным соображениям, нет, однако Ахматова постоянно включала его как во все нереализованные планы сборников своих избранных стихов, так включила его и в раздел «Anno Domini» последней прижизненной книги «Бег времени», вышедшего в 1965 году. Смотрите: Гончарова Н.Г. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. РГБ. М., СПб., 2000. С. 31—36, 151, 204.

Господняя сила с нами!
В хрустале утонуло пламя,
«И вино, как отрава жжет»⁴⁰.

«Заветные свечи» были зажжены Ахматовой в 1940 году — «Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 г., прислав как вестника еще осенью один небольшой отрывок («Ты в Россию пришла ниоткуда...»)). Через 23 года она их загазит. Об этом — ниже.

Выше было сказано, что в «Записной книжке» рассказу о тех, кто участвовал в «Маскараде», сопутствовали еще две записи, причем видно, что они были сделаны как бы — «на одном дыхании», последующая запись вытекала из предыдущей. Последней, третьей записью был «Маскарад». Все они заполняют три страницы «Записной книжки» № 11, оборот листа 8 и обе стороны листа 9. Начинается этот трехступенчатая запись с известного по многочисленным публикациям эссе «Рождение стиха. Искра паровоза»⁴¹. Текст, как и ранее, дан не «академически».

Рождение стиха Искра паровоза

Я ехала летом 1921 из Царского Села в Петербург. Бывший вагон III класса был набит, как тогда всегда, всяким нагруженным мешками людом, но я успела занять место, сидела и смотрела в окно на все — даже знакомое. И вдруг, как всегда неожиданно, я почувствовала приближение каких-то строчек (рифм). Мне нестерпимо захотелось курить. Я понимала, что без папиросы я ничего сделать не могу. Пошарила в сумке, нашла какую-то дохлую «Сафо», но... спичек не было. Их не было у меня, и их не было ни у кого в вагоне. Я вышла на открытую площадку. Там стояли мальчишки-красноармейцы и зверски ругались. У них тоже не было спичек, но крупные красные, еще как бы живые, жирные искры с паровоза садились на перила площадки. Я стала прикладывать (прижимать) к ним мою папиросу. На третьей (примерно) искре папироса загорелась. Парни, жадно следившие за моими ухищрениями, были в восторге. «Эта не пропадет», — сказал один из них про меня. Стихо-

---

⁴⁰ (Сноска Ахматовой на той же странице, введенная в «Критически установленный текст», Крайнева-2009. С. 875): «Отчего мои пальцы словно в крови // И вино, как отрава, жжет? («Новогодняя баллада», 1923)».

⁴¹ Ахматова-ЗК-1996. С. 206—207; Ахматова-Эллис Лак-5. С. 189—190.

творение было: «Не бывать тебе в живых». См. дату в рукописи — 16 августа 1921 (может быть, старого стиля).

Судя по этой записи, стихотворение было написано после ареста Гумилева, но когда еще ничего не было известно о его судьбе. Если, как полагает Ахматова, она проставила дату по старому стилю (29 августа по н. ст.), то это означает, что Гумилева к этому моменту уже не было в живых, приговор был приведен в исполнение, как предполагается, 25 августа. Объявление в газете о расстреле участников «Таганцевского заговора» (всего 61 фамилия) появилось в газете «Петроградская правда» только через три дня, 1 сентября 1921 года. Напомню это стихотворение⁴²:

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.

Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

Следующей в «Записной книжке» идет запись:

А вот другое:

Мой первый портрет — в «Пути Конквистадоров» — «и властно требует мечта, чтоб этой не было улыбки». Кроме того, что уже очень рано («Путь Конквистадоров») в Царском Селе я стала для Гумилева (в стихах) почти Лилит, т. е. злое начало в женщине. Затем (например, см. «Сон Адама» — Ева). Он говорил мне, что не может слушать музыку, потому что она ему напоминает меня.

Сразу же за этим фрагментом следует приведенное выше описание «Маскарада». Мне кажется, такое соседство этих отрывков — не случайно. Оно позволяет нам предположить, куда могла быть направлена мысль Ахматовой. Вернемся к «Прозе о Поэме». В «Записных книжках» Ахматовой разбросано множество фрагментов «Прозы о Поэме». Теперь, когда все они систематизированы и сведе-

---

⁴² Ахматова-Кралин-1. С. 167.

ны воедино⁴³, можно сделать некоторые выводы. Сходных перечней, не столь обширных, а также фрагментов, относящихся к отдельным персонажам, в записях Ахматовой множество. Но смею заверить читателя, что среди участников «Маскарада» нигде не названо имя Гумилева. Он — отсутствующий герой.

Приведенная Ахматовой фраза из стихотворения «Новогодняя баллада» («Мы выпить должны за того, // Кого еще с нами нет») могла подсказать название будущей Поэмы⁴⁴. Но, как я предполагаю, название пришло не из этого собственного стихотворения, а из стихотворения ушедшего и отсутствовавшего в поэме Героя. В творческом наследии Ахматовой и Гумилева множество адресованных друг другу стихотворений. Но два стихотворения стоят особняком. Первым из них было стихотворение Гумилева, написанное ровно за десять лет до своей гибели. Одно это обстоятельство, в глазах Ахматовой, могло придать ему особое значение⁴⁵.

Современность

Я закрыл «Илиаду» и сел у окна,
На губах трепетало последнее слово,
Что-то ярко светило — фонарь иль луна,
И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор
И так много встречал отвечающих взоров,
Одиссеев во мгле паровых контор,
Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так, в далекой Сибири, где плачет пурга,
Застывают в серебряных льдах мастодонты,

---

⁴³ Крайнева-2009. С. 1019—1192 («Проза о Поэме»). С. 1193—1322 («Наброски балетного либретто по «Поэме без Героя»).

⁴⁴ Существуют разные трактовки происхождения названия Поэмы. Любопытны рассуждения об этом в упомянутой выше книге Омри Ронена («Серебряный век как умысел и вымысел», с. 14—15, 45). Сам Ронен отсылает читателя к подзаголовку «Ярмарки тщеславия» У. Теккерея — «Роман без героя». Во вступительной статье к книге Вяч. Вс. Иванов добавляет еще два возможных источника: слова Байрона «I want a hero» из его поэмы «Дон Жуан» (строку из нее Ахматова взяла эпиграфом к первой части Поэмы), а также строку из поэмы Б. Пастернака «Спекторский» — «Я б за героя не дал ничего». При этом Вяч. Вс. Иванов оговаривается: «Нельзя с точностью определить, какой конкретный процесс привел к формированию того или иного сочетания слов: оно вполне может восходить к слиянию нескольких источников. В то же время такие гипотетические построения могут больше сказать о читателе или исследователе, чем об авторе. Степень надежности зависит тут от множества разнообразных условий».

⁴⁵ ПСС-2. № 55.

Их глухая тоска там колышет снега,
Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны,
Может быть, мне совсем и не надо героя,
Вот идут по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

Стихотворение было впервые опубликовано в газете Биржевые ведомости 14 августа 1911-го года; включено оно также в раздел «I» сборника «Чужое небо», вышедшего в 1912-м году. Тогда же, в октябре 1912-го, прозвучал ответ Ахматовой, к которому, как зафиксировано знавшими ее, в последние годы жизни она относилась весьма отрицательно, например, в разговорах с М. И. Будыко назвала его «ханжеским»⁴⁶:

Н. Гумилеву

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый,
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.

Действительно, в 1912 году Ахматова не могла предположить, насколько пророческим окажется обращенное к ней стихотворение Гумилева, потому и не могла впоследствии принять ранний собственный ответ. Стихотворение Гумилева — загадочно. Оно, безусловно, относится к стихам того поэта, которого Ахматова называла — «самым непрочитанным поэтом 20-го века». Можно только догадываться, с какими чувствами могла она его перечитывать «После всего», — так впоследствии Ахматова назвала первый раздел в сборнике «Anno Domini», составленном после смерти Блока и Гумилева. Попытаемся вчитаться в него «глазами» Ахматовой. Первое четверостишие: «Я закрыл «Илиаду» и сел у окна, // На губах трепетало последнее слово, // Что-то ярко светило — фонарь или луна, // И медленно двигалась тень часового...» Поразительно точно описывает эта строфа то, что случится равно через 10 лет в Петрограде. 7 августа 1921 года Н. Н. Пунин, оказавшийся, как и Гумилев, в застенках

---

⁴⁶ Стихотворение Ахматовой впервые опубликовано в 1914-м году в сборнике «Четки». Воспоминания М. И. Будыко в книге: Кралин М. М. Победившее смерть слово. Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках. Томск, 2000.

на Шпалерной (откуда Гумилеву было уже не суждено выйти), написал записку Е. И. Аренсу⁴⁷: «Привет Веруну, передайте ей, что встречаюсь здесь с Николаем Степановичем, мы стояли друг перед другом, как шальные, в руках у него была «Илиада», которую от бедняги тут же отобрали». В окно камеры (если оно было!), наверняка, светили фонарь или луна, двигалась тень часового и даже «Илиада», которую пришлось закрыть, как оказалось, была! Возможно, Ахматова от Пунина узнала и какие-то другие подробности, которые до нас не дошли, и эта, провидчески описанная поэтом картина, «выхваченная прожектором памяти из мрака прошлого», как и другая, ранее описанная, связанная с арестом Гумилева, не могли не запомниться Ахматовой — навсегда.

Второе четверостишие — это описание уже пройденной и всей последующей жизни поэта, встретившего в своем окружении, на своем пути множество испытующих и отвечающих взоров, Одиссеев и Агамемнонов, — в африканских странствиях, на фронтах войны, в революционном Петрограде. Что касается третьего четверостишия, то его несколько абстрактный при первом чтении, когда оно было создано, смысл, мог приобрести для Ахматовой совсем иное звучание в 1940-х годах, когда началась работа над «Поэмой без Героя»: «Так, в далекой Сибири, где плачет пурга, // Застывают в серебряных льдах мастодонты, // Их глухая тоска там колышет снега, // Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты». Для меня строки эти перекликаются с концовкой «Поэмы без Героя»:

И уже предо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
И «Quo vadis?» кто-то сказал,
Но не дал шевельнуть устами,
Как тоннелями и мостами
Загремел сумасшедший Урал.
И открылась мне та дорога,
По которой ушло так много,
По которой сына везли,
И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины Сибирской Земли.
От того, что сделалась прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломаю руки, Россия
Предо мною шла на восток.

---

⁴⁷ Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. С.142.

Когда Ахматова начинала Поэму, «в далекой Сибири, где плачет пурга» уже сгинули многие тысячи ее соотечественников: «Их глухая тоска там колышет снега, // Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты». Первое посвящение Поэмы начинается строками — «а так как мне бумаги не хватило, // Я на твоём пишу черновике». Черновик этот, по одной из версий, принадлежал Осипу Мандельштаму — посвящение датировано 27-м декабря 1940, годовщиной смерти исчезнувшего в тех краях поэта и друга. Где-то там же терялись следы сына: «И открылась мне та дорога, // По которой ушло так много, // По которой сына везли, // И был долог путь погребальный // Среди торжественной и хрустальной // Тишины Сибирской Земли». Думаю, строки Гумилева помогли открыться «той дороге». Да и вся Судьба ее поколения, почти всех ее современников вполне могла ассоциироваться с судьбой вымерших в ледниковый период мастодонтов.

Наконец заключительное четверостишие: «Я печален от книги, томлюсь от луны, // Может быть, мне совсем и **не надо героя**, // Вот идут по аллее, так странно нежны, // Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя». Как мне кажется, с учетом сказанного выше, не отрицая прочие источники и не забывая об отношении Ахматовой к своему первому ответу на стихотворное обращение к ней Гумилева, именно эта строфа могла послужить одним из основных толчков, которые, в конечном итоге, дали название всему произведению — «Поэма без Героя»⁴⁸.

На протяжении последних страниц я пытался, на основании текста поэмы и ряда других факторов, связать линию отсутствующего героя Поэмы с Николаем Гумилевым. Сбором соответствующих «доказательств» я занимаюсь начиная с 1980-х годов, достаточно безуспешно, в том смысле, что эта точка зрения не находила должного отклика у моих друзей, профессионально занимающихся творчеством Ахматовой и Гумилева, мнением которых я дорожу. Но, как мне кажется, благодаря изданной монографии Н. Крайневой, у меня появился еще один, весьма серьезный аргумент в защиту указанного подхода. В этой монографии были опубликованы все прозаические отрывки, комментирующие Поэму, многие — впервые. В разделе «Наброски балетного либретто по „Поэме без Героя“», представлен самый поздний фрагмент <21>⁴⁹, относящийся к 1961-му году. По

---

⁴⁸ В свое время автор поделился этой версией с составителями Сочинений Ахматовой, и они включили ее в комментарии к Поэме: Ахматова-Эллис Лак-3. С.512.

⁴⁹ Крайнева-2009. С. 1237 (публикация рукописи). С. 1248 (описание рукописи). С. 1296—1297 (тексты в окончательном чтении). С. 1320—1322 (комментарии к текстам

смыслу и наполнению он, во многом, повторяет приведенный выше фрагмент <30> «Прозы о Поэме», но там есть чрезвычайно важное для нас дополнение: в первый (кажется, и единственный) раз Ахматова сама обозначила открытым текстом «линию отсутствующего Героя» в Поэме. Приведем этот фрагмент полностью, по «Текстам в окончательном чтении», для лучшего восприятия убрав авторские сокращения и слегка переформатировав текст, дав его не как в публикации, построчно, по оригиналу, а с разбивкой на абзацы:

<21>

1) Петербургская (башенная) языческая Русь. (Начало века).
Городецкий — «Ярь» — Стравинский — «Весна священная» — Толстой — «За синими реками» — Хлебников (идеолог) — Рерих. (Лядов, Прокофьев).
В моем балете (1961 г.) как интермедия.
Может быть, просто хоровод.

2) Весь «Мирь Искусства», увиденный из 1961 г. Может быть, даже гротеск. Ранний Мейерхольд (арапчата, лестницы и т. д.).
Commedia dell' arte (тоже гротеск), сюда же Каналетто и т. п.

3) Гофмановская линия петербургской литературы: «Уединенный домик» (Пушкина), «Пиковая Дама», повести Гоголя («Нос» и т. д.), Достоевский, Белый.
«Ту полночную Гофманиану»...
«Двенадцать» — Блока.

Линия отсутствующего

Героя⁵⁰

Все в будущее: «Для юношей открылись все дороги, для старцев все запретные труды». «Орел» (космос) — (земное притяженье).

Земля! к чему шутить со мною,
одежды нищенские сбрось

в окончательном чтении). Оригинал — РНБ, ф. 1073, ед. хр. 205, л. 7об. Не могу не отметить, что этот фрагмент, на который почему-то долгие годы обращали мало внимания (увы, автор не является исключением), был опубликован, с соответствующими дополнениями и комментариями, еще в 1989 году Романом Тименчиком, смотрите — Тименчик-ПБГ-1989. С. 288—293, а также его же публикацию: Тименчик Р. Д. Блок и его современники в «Поэме без героя». Заметки к теме // Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Блоковский сборник IX. Памяти Д. Е. Максимова. Тарту, 1989. С. 114—123.

⁵⁰ Так в оригинале — посередине и с подчеркиванием.

и стать тем, что ты и есть — звездой,
огнем пронизанной насквозь и т. д.

Связь с поэмой в поздней фантастике:
«Заблудившегося трамвая»: (Наш Безымянный переул-
лок) — дощатый забор.
И цыганочка лижет кровь.
(«Новогодняя баллада»)
«На Венере, ах! На Венере...» Не случайность цитаты
Шкловского.

Первые три пункта, как и ранее, относятся к участникам «Мас-
карада», и в дополнительных комментариях, в контексте поставлен-
ной задачи, не нуждаются. Последний, непронумерованный, но **вы-**
деленный заголовком из общего текста пункт, дает однозначный
ответ на вопрос: кого считала Анна Ахматова «отсутствующим Ге-
роем».

Как сказано в комментариях у Н. Крайневой про «Линию отсут-
ствующего Героя», «весь этот фрагмент связан с Н. Гумилевым и со-
держит цитаты (с некоторыми неточностями) из его стихотворений
«Потомки Каина», «Орел», «Природа», «Заблудившийся трамвай»,
«У цыган», «На далекой звезде Венере...»⁵¹.

Если заглянуть в упоминаемые Ахматовой стихотворения, мож-
но прийти к достаточно неожиданным выводам, касающимся ее
подходу к «отсутствующему Герою», к восприятию его самой Ахма-
товой. Приведем, полностью или частично, упомянутые стихи, а за-
тем рассмотрим их в совокупности. Вначале Ахматова цитирует
строки из раннего сонета Гумилева, «Потомки Каина»⁵², написан он
незадолго перед первым путешествием в Абиссинию в конце осени
1909-го года, впервые опубликован в журнале «Аполлон», № 3, 1909;
сонет вошел в сборник «Жемчуга».

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плод и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев — все запретные труды,
Для девушек — янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

⁵¹ Крайнева-2009. С. 1321. Тименчик-ПБГ-1989. С. 286.

⁵² ПСС-1. № 160.

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

Затем упоминается стихотворение «Орел»⁵³, написанное почти тогда же (чуть раньше); впервые опубликовано в журнале «Весы», № 6, 1909, и также вошло в сборник «Жемчуга».

Орел летел все выше и вперед
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,
И был прекрасен царственный полет,
И лоснились коричневые перья.

Где жил он прежде? Может быть в плену,
В оковах королевского зверинца,
Кричал, встречая девушку-весну,
Влюбленную в задумчивого принца.

Иль, может быть, в берлоге колдуна,
Когда глядел он в узкое оконце,
Его зачаровала вышина
И властно превратила сердце в солнце.

Не все ль равно?! Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И он летел три ночи и три дня
И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в крути планетного движенья.
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно-холодными лучами,
Не зная гленья, он летел вперед,
Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

---

⁵³ ПСС-1. № 133.

Далее следует четверостишие из стихотворения «Природа»⁵⁴, написанного в июне 1917-го года в Лондоне. Впервые опубликовано после возвращения в Россию, в вышедшем в июле 1918-го года сборнике «Костер».

Так вот и вся она, природа,
Которой дух не признает,
Вот луг, где сладкий запах меда
Смешался с запахом болот;

Да ветра дикая заплачка,
Как отдаленный вой волков;
Да над сосной курчавой скачка
Каких-то пегих облаков.

Я вижу тени и обличья,
Я вижу, гневом обуян,
Лишь скудное многоразличье
Творцом просыпанных семян.

Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, звездой,
Огнем пронизанной насквозь!

Из знаменитого «Заблудившегося трамвая»⁵⁵ Ахматова выделяет строфу, посвященную их дому в Безымянном переулке, в Царском Селе. Стихотворение было написано на рубеже 1919—1920 года, впервые опубликовано в журнале «Дом Искусств, 1921. № 1, вошло в сборник «Огненный столп», подготовленный автором, но вышедший уже после его гибели. Приведем из него несколько строф.

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы, —
Передо мною летел трамвай.

.....
Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

.....
Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят: «Зеленная», — знаю, тут

---

⁵⁴ ПСС-3. № 59.

⁵⁵ ПСС-4. № 39.

Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.

В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

.....
Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.
.....

Сразу же за «Заблудившимся трамваем» следует «двойная» цитата, (И цыганочка лижет кровь. («Новогодняя баллада»)) — это дважды уже упоминавшаяся «Новогодняя баллада» Ахматовой и неточная строка из последней строфы стихотворения Гумилева «У цыган»⁵⁶, написанного вслед за «Заблудившимся трамваем» и также вошедшего в «Огненный столп».

<...>

Что ж, господа, половина шестого?
Счет, Асмодей⁵⁷, нам приготовь!
Девушка, смеясь, с полосы кремневой
Узким язычком слизывает кровь.

Наконец, Ахматова приводит строчку, возможно, из самого последнего стихотворения Гумилева «На далекой звезде Венере...», написанного за несколько дней до ареста и опубликованного после его гибели в «Альманахе Цеха Поэтов», Книга 2, 1921. Упоминание имени знаменитого астронома И. С. Шкловского связано с тем, что, как сказано в комментариях Н. Крайневой, «эта вставка сделана не ранее февраля 1961 года, в связи со статьей и письмом астрофизика И. С. Шкловского, где он признался Ахматовой, что заглавие его статьи «На далекой планете Венере» — перефразированная строка сти-

---

⁵⁶ ПСС-4. № 40.

⁵⁷ В древнееврейской мифологии один из самых могущественных демонов, символ вождения, ревности и одновременно — мести, ненависти и разрушения.

хотворения Гумилева «На далекой звезде Венере...» (так он отметил 75-ю годовщину поэта)».

Вот несколько фрагментов из рассказа самого И. Шкловского об этом⁵⁸:

«Позвонила Женя Манучарова: — Мне срочно нужно вас видеть. Не могли бы вы меня принять? Манучарова — жена известного журналиста Болховитинова — работала в отделе науки «Известий». Только что по радио передали о запуске первой советской ракеты на Венеру — дело было в январе 1961 года⁵⁹. Совершенно очевидно, что Манучаровой немедленно нужен был материал о Венере — ведь «Известия» выходят вечером, а «Правда» — утром, и органу Верховного Совета СССР представилась довольно редкая возможность опередить центральный орган. <...> Когда я усадил гостью за мой рабочий стол, она только сказала: — Умоляю вас, не откажите — вы же сами понимаете, как это важно!

Не так-то просто найти в Москве человека, способного «с ходу», меньше чем за час накатать статью в официальную газету. Осознав свое монопольное положение, я сказал Манучаровой:

— Согласен, но при одном условии: ни одного слова из моей статьи вы не выбросите. Я достаточно знаком с журналистской братией и понимаю, что в вашем положении вы можете наобещать все что угодно. Но только прошу запомнить, что «Венера» — не последнее наше достижение в Космосе. Если вы, Женя, свое обещание не выполните — больше сюда не приходите. Кроме того, я постараюсь так сделать, что ни один мой коллега в будущем не даст в вашу газету даже самого маленького материала.

— Ваши условия ужасны, но мне ничего не остается, как принять их, — без особой тревоги ответствовала журналистка.

И совершенно напрасно! Я стал быстро писать, и через 15 минут, не отрывая пера, закончил первую страницу, передал ее Жене и с любопытством стал ожидать ее реакции. А написал я буквально следующее: «Много лет тому назад замечательный русский поэт Николай Гумилев писал:

На далекой звезде Венере
Солнце пламенней и золотистой,

---

⁵⁸ И. С. Шкловский. Эшелон (невыведенные рассказы). М.: Изд-во «Новости», 1991.

⁵⁹ Старт автоматической межпланетной станции «Венера-1» был осуществлен 12 февраля 1961 года в 5 часов 9 минут московского времени. Следовательно, статья Шкловского была опубликована вечером, в этот день. Тогда впервые в мире был осуществлен запуск космического аппарата с околоземной орбиты к другой планете.

На Венере, ах, на Венере
У деревьев синие листья...»

Дальше я уже писал на привычной основе аналогичных трескучих статей такого рода. Правда, вначале пришлось перебросить мостик от Гумилева к современной космической эре. <...> Прочтя первые строчки, Манучарова схватилась за сердце. — Что вы со мной делаете! — прорычала она. <...> Еще с довоенных времен я полюбил замечательного поэта, так страшно погибшего в застенках Петроградского Большого Дома, главу российского акмеизма Николая Степановича Гумилева. Как только мне позвонила Манучарова, я сразу же сообразил, что совершенно неожиданно открылась уникальная возможность через посредство Космоса почтить память поэта, да еще в юбилейном для него году (75-летие со дня рождения и 40-летие трагической гибели). Все эти десятилетия вокруг имени поэта царило гробовое молчание. Ни одной его книги, ни одной монографии о творчестве, даже ни одной статьи напечатано не было! Конечно, Гумилев в этом отношении не был одинок. По-видимому, Россия слишком богата замечательными поэтами... Все же случай Гумилева — из ряда вон выходящий. «Известия» тогда я не выписывал. Вечером я звонил нескольким знакомым, пока не нашел того, кто эту газету выписывает.

- Посмотри, пожалуйста, нет ли там моей статьи?
- Да, вот она, и какая большая — на четвертой полосе!
- Прочти, пожалуйста, начало.

Он прочел. Все было в полном ажуре. Более того, над статьей «сверх программы» — огромными буквами шапка: «На далекой планете Венере...». Они только гумилевское слово «звезда» заменили на «планету». <...> А через несколько дней разразился грандиозный скандал. Известнейший американский журналист, аккредитованный в Москве, пресловутый Гарри Шапиро (частенько, подобно слепню, досаждавший Никите Сергеичу), опубликовал в «Нью-Йорк таймс» статью под хлестким заголовком «Аджубей реабилитирует Гумилева». В Москве поднялась буча. <...> Я был чрезвычайно горд своим поступком и, распираемый высокими чувствами, послал Анне Андреевне Ахматовой вырезку из «Известий», сопроводив ее небольшим почтительным письмом. Специально для этого я узнал адрес ее московских друзей Ардовых, у которых она всегда останавливалась, когда бывала в столице. Долго ждал ответа — ведь должна же была обрадоваться старуха такому из ряда вон выходящему событию! Прошли недели, месяцы. Я точно установил, что Ахматова была в Москве. Увы, ответа я так от нее и не дождался, хотя с достоверностью узнал, что

письмо мое она получила⁶⁰. Кстати, как мне передавали знающие люди, она читала мою книгу «Вселенная, Жизнь, Разум» и почему-то сделала вывод, что «этот Шкловский, кажется, верит в Бога!».<...>».

В вышедшей в 1965 году, незадолго до смерти Ахматовой, книге И. Шкловского «Вселенная, Жизнь, Разум», часть 2, «Жизнь во вселенной», начинается с эпиграфа из этого стихотворения Гумилева, вошедшего в первый «Посмертный сборник» 1922-го года⁶¹:

На далекой звезде Венере
Солнце пламенной и золотистой,
На Венере, ах, на Венере
У деревьев синие листья.

Всюду вольные звонкие воды,
Реки, гейзеры, водопады
Распевают в полдень песнь свободы,
Ночью пламенеют, как лампы.

На Венере, ах, на Венере
Нет слов обидных или властных,
Говорят ангелы на Венере
Языком из одних только гласных.

Если скажут «еа» и «аи» —
Это радостное обещанье,
«Уо», «ао» — о древнем рае
Золотое воспоминанье.

На Венере, ах, на Венере
Нету смерти терпкой и душной,

---

⁶⁰ Письмо сохранилось, его приводит Роман Тименчик в книге: Анна Ахматова в 1960-е годы. М., Торонто, 2005. С. 523. И. Шкловский написал письмо в день именин Ахматовой, 16 февраля 1961 года: «Это пишет Вам незнакомый человек, не литератор, а астроном и физик. В ранней юности, еще до отечественной войны, я был очарован стихами Николая Степановича. И это осталось у меня навсегда. Жестокая несправедливость судьбы по отношению к такому поэту меня всегда оскорбляла. И вот представился неповторимый случай. Я сделал попытку, если так можно выразиться, реабилитировать его через Космос и этим, в меру моих скромных сил, отметить 75 годовщину его рождения. Я знаю, что это его последнее стихотворение. Я представляю, как оно писалось... Простите меня, дорогая А. А., что я допустил вольность, искажив текст: вместо «на далекой звезде...» написал «на далекой планете...». Иначе ничего не вышло бы. Весь расчет строился на этом и еще на ужасном цейтноте, в котором оказалась газета» (ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр.1057).

⁶¹ ПСС-4. № 61.

Если умирают на Венере —
Превращаются в пар воздушный.

И блуждают золотые дымы
В синих-синих вечерних куцах
Иль, как радостные пилигримы,
Навещают еще живущих.

И. Шкловский ошибочно полагал, что стихотворение было написано в тюрьме перед расстрелом. Скорее всего, не в ответ на статью Шкловского в газете, а после получения письма Шкловского Ахматова сделала эту запись об «отсутствующем Герое», выделив «космические мотивы» в стихах Гумилева. Как отметил Тименчик, в одной из больничных записей она назвала свою поэму «опытной космонавткой»⁶²: «Все это я, разумеется, говорю неизвестно для кого и неизвестно зачем, читатели же должны верить, что она, как опытная космонавтка, так вот и спустилась с неба, никогда другой не была, никогда другой не будет и не может быть. Больница. Ноябрь 1961».

Помимо того, что из сказанного выше следует, кого Ахматова связывала с «отсутствующим Героем», любопытно и то, под каким углом зрения она смотрит на поэму и на этого Героя из 1961-го года. В связи с этим выскажу несколько мыслей, которые, на первый взгляд, кому-то могут показаться странными и неуместными. Первое, что обращает на себя внимание, это «космический» взгляд на «отсутствующего Героя». На 1961 год пришелся пик успехов нашей страны в освоении космического пространства, и, видимо, Анне Ахматовой успехи эти были не безразличны. Помимо запуска ракеты к Венере, в апреле в космос отправился Юрий Гагарин, однако никаких прямых ее откликов на это событие обнаружить не удалось — имя первого космонавта ни разу не упоминается в «Записных книжках» Ахматовой. Вполне заслуженно космонавтам в СССР присваивали звание «Героя Советского Союза». Невольно пришла в голову мысль о том, что не было ли связано слово «Герой» в названии поэмы с другим его семантическим значением? До сих пор, насколько мне известно, «героя» в поэме однозначно рассматривали как — «действующее лицо», «героя художественного произведения», но никак не в качестве «Героя», то есть лица, совершившего героический поступок. Это как бы само собой разумелось, так как произведениям Ахматовой не свойственен пафос, «громкие» слова. А что, если все-таки попытаться взглянуть на «Героя» в названии, как на того, кто мог (или совершил!) — героический поступок, и принял за это — кару,

---

⁶² Ахматова-ЗК-1996. С. 180.

смерть? Как мне кажется, такой подход, со стороны Ахматовой, был возможен. Разве лишено пафоса и героизма написанное в Ташкенте, во время войны, стихотворение «Мужество», попавшее 8 марта 1942-го года на первую полосу газеты «Правда»?

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет...

«Поэма без Героя» писалась там же, параллельно. В Ташкенте, тогда же, написаны строки, посвященные Поэме:

До середины мне видна
Моя поэма. В ней прохладно,
Как в доме, где душистый мрак
И окна заперты от зноя
И где пока что нет героя,
Но кровлю кровью залил мак...
1943. Ташкент

В Поэме действительно, нет героя, но именно — «Героя». Обращиваясь назад, бросая взгляд из года 1940-го в год 1913-й, уже написав свой «Реквием», отголоски которого были услышаны автором в вое печной трубы в начале «Решки» («В печной трубе воеет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема»), Ахматова не могла не помнить, чья «двусмысленная слава» — «двадцать лет лежала в канаве», после **героически** принятой смерти. Почему-то во многих комментариях эти строки относят к самому автору, что, как мне кажется, крайне сомнительно⁶³. Этими словами «Решка» заканчивается, и проставленная дата, 5 января 1941 года, однозначно должна перенести читателя в

---

⁶³ В «канонических» комментариях у Крайневой (с. 934) сказано: «А твоей двусмысленной славе, // Двадцать лет лежавшей в канаве — подразумевается период 20—30-х годов (строфа создана в январе 1942 года), когда отношение к творчеству Ахматовой носило двойственный характер. С одной стороны, признавалось поэтическое мастерство Ахматовой <...>. С другой — Ахматову считали фигурой из прошлого, которой нет места в новом революционном обществе, обвиняли в «комнатной интимности», «исчерпанности» сюжетов и тем, даже «враждебности». Почти 20 лет, с 1923 по 1940 год, не было напечатано ни одного стихотворения Ахматовой». Странный комментарий... А к чему тогда относится продолжение строфы — «Я еще не так послужу. // Мы с тобой еще попируем, // И я царским моим поцелуем // Злую полночь твою награжу». Получается, что она сама с собой «попирует» и наградит себя «царским поцелуем»!.. Вряд ли автор предполагал такую трактовку.

1921 год и указать на «отсутствующего Героя». В третьей части «Поэмы без Героя, в «Эпилоге», Ахматова возвращается к тому, чему был посвящен «Реквием», заверченный незадолго до начала работы над Поэмой:

*А за проволокой колючей,
В самом сердце тайги дремучей,
Я не знаю, который год,
Ставший горстью «лагерной пыли»,
Ставший сказкой из страшной были,
Мой двойник на допрос идет.
А потом он идет с допроса,
Двум посланцам Девки Безносой
Суждено охранять его.
И я слышу даже отсюда —
Неужели это не чудо! —
Звуки голоса своего:
    За тебя я заплатила
        Чистоганом,
    Ровно десять лет ходила
        Под наганом,
    Ни налево, ни направо
        Не глядела,
    А за мной худая слава
        Шелестела.*

«Эпилог» «Реквиема» перекликается со строками «Поэмы без Героя»:

*Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной,
Под красною ослепшею стеною.*

Возможно, именно этот «июльский зной» попал в предпоследнюю строфу «Решки», предшествующую «двусмысленной славе», «двадцать лет лежавшей в канаве»: «... Вовсе нет у меня родослов-

ной, // Кроме солнечной и баснословной, // И привел меня сам Июль».

В пятой редакции «Поэмы без Героя», 1956-го года, заключительные строки «Решки» — «...И я царским своим поцелуем // Злую полночь твою награжу», — Ахматова сопроводила сноской, указывающей на два иронических, мистифицирующих читателя «Примечания», которые позволяют проникнуть в ход ее мысли; особенно важно второе примечание с включенным в него четверостишием⁶⁴:

«Недавно в одном из ленинградских архивов были обнаружены шесть довольно бессвязных стихотворных строк — по-видимому строфа из «Решки». Для полноты приводим их здесь.

Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдет человек...
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится двадцатый Век.

Говорят, после напечатания этих строк автор попросил прекратить дальнейшие поиски пропущенных кусков поэмы, что и было исполнено, но один резвый сотрудник (*nomine sunt odiosa*) [*имена ненавистны — лат.*] извлек из «розовой папки» четыре строчки (почерк не Ахм.) явно не имеющие никакого отношения к «Поэме без Героя» и безуспешно старался убедить читателя, что строки:

От меня, как от той графини,
Шел по лесенке винтовой,
Чтоб увидеть рассветный синий
Смертный час над страшною Невой.

должны находиться где-то в тексте и даже как-то связаны с предыдущей архивной находкой. (Dixi.) [*Я все сказал — лат.*] Каково?

12 июня 1958».

Строки с Чаконой Баха, в последующих редакциях, открывают «Третье и последнее» посвящение к Поэме⁶⁵. Действительно, после этого автор поэмы, практически, прекратил «дальнейшие поиски

⁶⁴ Крайнева-2009. С. 335—336.

⁶⁵ Удалось точно установить дату, место и источник появления «Чаконь Баха» в Поэме; смотрите публикацию: Лисичкина Т. М., Степанов Е. Е. В Старках у Шервинских. Литературная учеба, 1989, № 3, сс. 163—167.

пропущенных кусков поэмы». Таким образом, Ахматова в какой-то момент сцепила между собой (*что, по моему мнению, — немаловажно!*) последние две строфы «Решки» и два отрывка из приведенных выше «Примечаний». То есть «злая полночь» из «Решки» завершилась «смертным часом над страшной Невой». Последнее четверостишие нуждается в отдельных комментариях. Впервые это было отмечено Р. Тименчиком⁶⁶. Строки связаны с последней встречей Ахматовой и Гумилева, ее рассказ об этом записал П. Лукницкий 26 апреля 1925⁶⁷: «АА рассказывает, что Николай Степанович был у нее в последний раз в 21 году, приблизительно за 2 дня до вечера Petropolis'a (*вечер состоялся 11 июля — С. Е.*). АА жила тогда на Сергиевской, <дом 7> во 2 этаже. В. К. Шилейко был в Царском Селе, в санатории. АА сидит у окна и вдруг слышит голос: «Аня!». (Когда к АА приходили, всегда звали ее со двора, иначе к ней не попасть было, потому что АА должна была, чтоб открыть дверь, пройти внутренним ходом в 3-й этаж и пропустить посетителя через квартиру 3-го этажа). АА очень удивилась: она знала, что В. К. Шилейко в Царском Селе, а больше кто ее мог так звать? Никто. Взглянула в окно — увидела Николая Степановича и Георгия Иванова. Впустила их к себе. Николай Степанович (это была первая встреча с АА после приезда Николая Степановича из Крыма) рассказал АА о встрече с Инной Эразмовной, с сестрой АА, о смерти брата АА — Андрея Андреевича⁶⁸... И. Э. (*мать Ахматовой Инна Эразмовна — С. Е.*) и сестру Николай Степанович увидел в Крыму. <...> <Когда прощались>, АА повела Николая Степановича <...> не через 3-й этаж, а к темной (потайной прежде) винтовой лестнице, по которой можно было прямо из квартиры выйти на улицу. Лестница была совсем темная, и когда Николай Степанович стал спускаться по ней, АА сказала: «По такой лестнице только на казнь ходить...». Напомню, что это была их последняя встреча в домашней обстановке...

---

⁶⁶ Тименчик-ПБГ-1989. С. 285.

⁶⁷ Лукницкий П. Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924—1925. Париж, 1991. С.161—162.

⁶⁸ Старший брат Ахматовой Андрей Андреевич Горенко (1887—1920), со своей женой Марией Александровной Змунчилло, не в силах перенести смерть ребенка, предприняли в 1920-м году попытку самоубийства, приняв яд; Андрей умер, а Марию удалось спасти. Об этом Гумилев рассказал Ахматовой при их последней встрече. Копию предсмертного письма брата Ахматова получила от матери И. Э. Горенко только 6 июня 1927-го года, из Александровска на Сахалине (Лукницкий П. Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926—1927. Париж, М., 1997. С. 268).

Возможно, что клич Гумилева «Аня», как и воспоминание о снах⁶⁹, попали «Через 23 года» (так называется стихотворение) в строки, в которых Ахматова «погасила» зажженные в 1940-м году свечи:

Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебный вечер, —
Палачи, самозванцы, предтечи
И, увы, прокурорские речи,
Все уходит — мне снишься Ты!..
Доплясавший свое пред Ковчегом,
За дождем, за ветром, за снегом
Тень твоя над бессмертным берегом,
Голос твой из недр темноты.
И по имени!.. Как неустанно
Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне, как прежде — «Ты».
13 мая 1963. Комарово
(Холодно, сыро, мелкий дождь.)

Еще раз оговорюсь, что такая атрибуция отнюдь не исключает того, что и у героя этого стихотворения могут отыскаться свои «двойники», но, тень Гумилева — главенствует.

Выше был приведен отрывок из «Прозы о Поэме» — про ее «Первый росток», с записью Пушкина: «Только первый любовник производит впечатление на женщину, как первый убитый на войне...». Не буду вступать в полемику, кто был ее первым любовником (об этом было сказано выше в примечаниях), тема эта достаточно беспардонно муссируется в различных изданиях, и на основании этого делаются далеко идущие выводы... В изложенном выше контексте более существенна концовка фразы Ахматовой. По моему мнению, в глазах Ахматовой, Гумилев вполне мог выглядеть — первым убитым на той, другой войне, в которой ей пришлось участвовать самой, на которой она потеряла множество своих ближайших друзей. Может быть поэтому она и не пустила его в Поэму, он был там — «отсутствующим Героем». И, думаю, не просто «отсутствующим действующим лицом», а именно — Героем, вставшим еще в 1921-м году на негласную борьбу с пришедшими к власти большеви-

---

⁶⁹ Ахматова пишет в «Записной книжке» (Ахматова-ЗК-1996. С. 667): «В 1924 три раза подряд видела во сне Х. (так она обозначала там Гумилева — С. Е.) — 6 лет собирала «Труды и дни» и другой материал: письма, черновики, воспоминания. В общем следовала для памяти все, что можно. Поразительно, что больше никто им не занимался. Так называемые ученики вели себя позорно. Роль Георгия Иванова. За границей они все от него отреклись».

ками. Предполагаю, что Ахматова не могла быть столь уж наивной, чтобы даже не догадываться об участии своего бывшего мужа в другой деятельности, помимо занятий в литературных студиях, сочинения стихов. Ведь по какой-то причине были ею при последней встрече были произнесены слова — «на казнь ходить»! И, думаю, не случайно Ахматова взяла эпиграфом к «Эпилогу» «Поэмы без Героя» строки из стихотворения их общего Учителя, И. Ф. Анненского, «Петербург»: «Да пустыни немых площадей, // Где казнили людей до рассвета». Приведем его здесь полностью, оно всё — о трагической судьбе города и поколения «серебряного века»⁷⁰.

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где ВЫ и где МЫ,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравы бесплодных хотений.

---

⁷⁰ Текст дан по: Тименчик-ПБГ-1989. С. 104—105.

Однако казнили Гумилева не на площади, а там, где он сам себе предсказал в написанном в Париже в 1917 году стихотворении, название которого, «Я И ВЪ»⁷¹, странным образом перекликается с первой строфой стихотворения Анненского:

...И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще.

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: «Вставай!»

Пророческий дар свойственен истинным поэтам, однако необходимо попытаться ответить на главный вопрос: случайна ли была гибель Гумилева или он сам затеял игру в прятки «со смертью хмурой»⁷²? Появляющиеся время от времени публикации, в частности, воспоминания Б. П. Сильверсвана, А. З. Штейнберга и Л. В. Бермана⁷³, которым, по моему мнению, можно доверять, говорят о том, что Гумилев затеял-таки эту смертельно опасную игру в последние годы жизни, и хотя редко, но делился своими мыслями, касающимися не связанных с литературой планов, вряд ли при этом посвящая в них близких людей. Все три упомянутых лица, фрагменты

---

⁷¹ ПСС-3. № 82. Впервые опубликовано сразу после возвращения в Россию в 1918 году, во вскоре запрещенном журнале Аркадия Аверченко «Новый Сатирикон», № 16, вошло в сборники «Костер», «К синей звезде».

⁷² «Когда я кончу наконец // Игру в cache-cache со смертью хмурой, То сделает меня Творец // Персидскою миниатюрой...». «Cache-cache» — по-французски «прятки»; это начало сочиненного в Париже стихотворения «Персидская миниатюра» (ПСС-4. № 31). Любопытно, что первоначально это стихотворение было написано по-французски, и только по возвращении в Россию переведено, в слегка переработанном виде, на русский язык. Причем первое четверостишие русского перевода по смыслу совпадает с начальным французским вариантом, только там «игры в прятки» — нет: «Soyez sûrs, quand je mourrai, // Fatigué de ma vie insane, // Secrètement je deviendrai // Une miniature persane». Построчный перевод: «Можете быть уверены, когда я умру, // Устав от моей нелепой жизни, // Я тайком превращусь // В персидскую миниатюру».

⁷³ Библиография по этому вопросу дана в работе: Тименчик Р. Д. По делу № 214224 // Даугава. 1990. № 8. С. 116—122. Смотрите также: Перченко Ф., Зубарев. На полпути от полуправд. О таганцевском деле и не только о нем // IN MEMORIAM: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М., СПб., 1995. С. 362—370 (в дальнейшем: Перченко-1995). Штейнберг А. З. Самоцветные слова // А. З. Штейнберг. Литературный архипелаг. М., 2009. С. 170—176, 358—362 (в дальнейшем: Штейнберг-2009). Сажин В. Предыстория гибели Гумилева // Даугава. 1990. № 11. С. 91—93 (в дальнейшем: Сажин-1990).

воспоминаний которых, чтобы не перегружать основной текст, вынесены в сноску, как «приложение», не входили в «близкий» круг, или в то окружение, которое мы ныне называем «литературной тусовкой», они лично были достаточно далеки от Гумилева, следовательно, у них не было никакого резона что-либо выдумывать. Но в главном все эти три свидетельства совпадают: с пресловутым «Таганцевским» или иным заговором все было не так просто и однозначно, Гумилев был к нему как-то причастен, и он не стал случайной жертвой режима. Догадывалась ли об этом Ахматова? Думаю, что да, по

Приведенный ниже рассказ филолога, приват-доцента кафедры истории западно-европейских литературы Бориса Павловича Сильверсвана (1883—1934) взят из его письма писателю А. В. Амфитеатрову от 20 сентября 1931 года, впервые опубликованному В. Крейдом в журнале «Панорама» (Лос-Анджелес), 1989, 15—22 декабря, с. 16—17. Сам Амфитеатров впервые опубликовал фрагмент этого письма в статье «Таганцевская загадка» в газете «Сегодня» 25 октября 1931 года. Вот фрагмент этого письма Сильверсвана из публикации Тименчика: «Гумилев, несомненно, принимал участие в Таганцевском заговоре и даже играл там видную роль: он был арестован в начале августа, выданный Таганцевым, а в конце июля 1921 года он предложил мне вступить в эту организацию, причем ему нужно было сперва мое принципиальное согласие (каковое я немедленно и от всей души ему дал), а за этим должно было последовать мое фактическое вступление в организацию, предполагалось, между прочим, по-видимому, воспользоваться моей тайной связью с Финляндией, т.е. предполагал это, по-видимому, пока только Гумилев; он сообщил мне тогда, что организация состоит из «пятерок»; членов каждой пятерки знает только ее глава, а эти главы пятерок известны самому Таганцеву; вследствие летних арестов в этих пятерках оказались пробелы, и Гумилев стремился к их дополнению; он говорил мне также, что разветвления заговора весьма многочисленны и захватывают влиятельные круги Красной армии; он был чрезвычайно конспиративен и взял с меня честное слово, что о его предложении я не скажу никому, даже Евд. П. (*Евдокия Петровна Струкова — секретарь издательства «Всемирная литература»*), жена Б. П. Сильверсвана — прим. Тименчика), матери и т. п. (что я исполнил); я говорил ему тогда же, что ввиду того, что чекисты несомненно напали на след организации, м.б. следовало бы временно притаиться, что арестованный Таганцев, по слухам, подвергнут пыткам и может начать выдавать; на это Гумилев ответил, что уверен, что Таганцев никого не выдаст и что, наоборот, теперь-то и нужно действовать; из его слов я заключил также, что он составлял все прокламации и вообще ведал пропагандой в Красной армии; Ник. Степ. был бодр и твердо уверен в успехе; через несколько дней после нашего разговора он был арестован; т. к. он говорил мне, что ему не грозит никакая опасность, т. к. выдать его мог только Т., а в нем он уверен, — то я понял, что Таг. действительно выдает, как, впрочем, говорили в городе уже раньше. Я ужасно боялся, что в руках чекистов окажутся какие-нибудь доказательства против Ник. Степ., и, как я потом узнал от лиц, сидевших одновременно с ним, но потом выпущенных, им в руки попали написанные его рукою прокламации и гибель его была неизбежна. <...>. Далее Сильверсван подробно рассказывает о встрече с Горьким и об участии последнего в хлопотах по Таганцевскому делу. В работе «Переченок-1995» (С. 368—369) приводится еще одно письмо Сильверсвана Амфитеатрову, от 27 октября 1931 года, отклик на публикацию последнего в газете «Сегодня», в котором Сильверсван подтверждает сказанное ранее и вступает в полемику с изложенной в газете версией о заговоре: «...Что кас[ается] заговора, то о нем я многое узнал еще и здесь, в Финляндии, от участников его, переходивших часто границу в связи с ним, а

крайней мере, прекрасно знавшая своего бывшего мужа, с ее поэтическим пророческим даром, — она не могла ничего не замечать. Но как справедливо отметил Перченко⁷⁴, «решительными противниками обнародования свидетельств об участии Гумилева в антибольшевистской борьбе были его близкие — А. А. Ахматова и Л. Н. Гумилев. Они возражали против этих свидетельств по мотивам человечески вполне понятным, считая их посмертными доносами на трагически погибшего поэта и помехой его юридической и литературной реабилитации». Но мы теперь живем в иные времена, когда главная

сейчас проживающих здесь. История этого дела когда-нибудь станет известной во многих деталях, теперь же, по многим причинам, невозможно ее раскрывать. Ник. Степ, действительно не успел посвятить меня как следует в это дело, но если б это случилось, то я бы фактически вошел в организацию и, конечно, тоже не уцелел бы, а что Ник. Степ, знал много — я в этом не сомневаюсь. Я же, действительно, ничего не знал, т. к. Н. Ст. имел об этом со мной только один разговор, в котором обрисовал дело лишь в самых общих чертах. После расстрелов я еще два месяца оставался в Петербурге и рассказов слышал много, много, разумеется, и чепухи. <...> Я никогда не писал об этом деле потому именно, что не хотел заявлять, что чекисты «с своей стороны» как бы действовали разумно и не столько лгали, как всегда, в этом случае; я считал, что *даже таких слов* [здесь и далее курсив Сильверсвана], которые кем бы то ни было могут быть истолкованы хотя бы в смысле том, что эти гады поступили «целесообразно с своей точки зрения», — не следует говорить никогда. Поэтому, пусть лучше останется Ваша версия, — что «заговор» сочинен этой сволочью и что люди погибли без причины и без повода <...>».

Менее известны воспоминания философа Аарона Штейнберга (1891—1975) о встречах с Гумилевым в начале 1920-х годов и о его высказываниях о необходимости переворота с участием армии. Вот фрагмент воспоминаний Штейнберга, описывающий разговор, состоявшийся между ним и Гумилевым в столовой Дома литераторов, видимо, в 1921-м году, незадолго до ареста. Этот рассказ (Штейнберг-2009. С. 171—173) перекликается с приведенными выше воспоминаниями Б. Сильверсвана: «Лицо Николая Степановича расплылось в широкой улыбке: «Я так и думал, что мы с вами сойдемся». И тут же начал говорить: «Вот когда обнаружится, что самый умный большевик — это Троцкий, тогда все пойдет по-иному. Вы знаете знаменитое изречение Троцкого, что Красная армия, как редиска, извне — красная, а внутри — белая?» Я тогда еще совсем не знал ничего о Троцком, и он мне тут же пояснил: «Вот армия и спасет Россию. Красная армия, во главе которой станет новый Наполеон. Бонапартизм!» И это Николай Степанович открыто и громко говорил в небольшой комнате, полной совершенно неизвестными людьми. Хотя Гумилев и шепелявил немного, он говорил зычно и вполне отчетливо, как если бы нарочно хотел, чтобы все его слышали. Я пытался его остановить — неужели он не понимает, что тут нельзя так говорить? «Многие думают, — сказал я, — что революция пойдет по примеру французской и все кончится Бонапартом. Но для бонапартизма нужен Бонапарт, а я его не вижу». Мне все хотелось отвлечь Гумилева от его неосторожной бравады, и я напомнил ему, что когда спросили Льва Толстого уже после выхода «Войны и мира» о возможности русского Бонапарта, он ответил, что Наполеон в России возможен, но только это не будет военный генерал, а какой-нибудь журналист или политический деятель. Но Николай Степанович не унимался: «Вот вы говорите, что невозможен бонапартизм без Бонапарта. А Бонапарт у нас уже есть! Это маршал Красной армии Тухачевский». В 1921-ом году, под командованием Троцкого, Тухачевский участвовал в подавлении Кронштадтского

задача выполнена — литературная реабилитация Гумилева состоялась *de facto*, именно к этому стремились Ахматова и их сын. В 1991 году состоялась его реабилитация *de jure*. Вопрос состоит только в том, нуждался ли сам Гумилев в формальной реабилитации? Свою публикацию «На полпути от полуправд» Перченко завершает словами: «Впрочем, *историка* реабилитация и не должна интересовать. Ему важно другое: *как было на самом деле*»⁷⁵. Нельзя с этим не согласиться, поэтому зададим себе вопрос: принял бы сам Гумилев такую реабилитацию? И можно ли ставить ему в вину то, что он не

восстания, а потом и сам был ликвидирован. <...> И Гумилев стал в подробностях говорить о том, что нужно сделать для продвижения кандидатуры Тухачевского в Бонапарты. Это было до такой степени странно, что у меня даже возникло подозрение, не хочет ли Гумилев меня спровоцировать? Не является ли он провокатором? Но разве провокатор ведет себя так? Или, может быть, он считает, что имеет дело с идиотом? Было непонятно и все-таки немножко боязно как-то за него самого. Полчаса подряд, ни больше ни меньше, Николай Степанович рассказывал об идее единовластия, монархии, как она должна быть восстановлена; о том, что сердце всякого государства должно биться в груди, украшенной знаками военных подвигов; о том, что настоящий святой, охраняющий Россию, — Георгий Победоносец; что найдется, наконец, какой-нибудь еще неведомый кавалер Георгиевского креста, который вместе с Тухачевским организует новую армию в традициях старой царской. И необходимо также поддерживать идею монархии: «Мы устраиваем панихиды по членам погибшей царской семьи». Он назвал церкви, где служат панихиды по «рабу Божьему Николаю, сыну Александра», а также и по всем четырем его дочерям. Почему-то он не упомянул царицы. Сидевшие вокруг стали прислушиваться, но, очевидно, полагали, что тут читают какой-то отрывок из повести. Понемногу стали расходиться. Мы остались одни. Я уверен, что если бы среди нас нашелся какой-нибудь чекист, он обязательно остался бы. Итак, Николай Степанович проявил как заговорщик необыкновенную смелость изысканного жирафа, которому все ничем! Главное держаться так, чтобы, благодаря длинной шее, возвышаться над прочим зверьем. В конце Николай Степанович сказал: «Простите, я немножко заговорился. С вами я хочу поговорить совсем о другом. Вы ведь читаете Библию в оригинале? Для этого вы мне и нужны. Если ничего не имеете против, я дам вам свой адрес. Загляните как-нибудь вечерком, я вам подробно обо всем расскажу». Так что у Гумилева была своя литературная цель, а монолог о грядущем бонапартизме был только предисловием...» Рассказ Штейнберга, с моей точки зрения, — еще одно подтверждение реальной причастности Гумилева к заговору, хотя, похоже, эта «линия» следствием никак не была «отработана» и выявлена. Высказывания Гумилева о Тухачевском говорят как о том, что он заметил его еще в Париже, так и том, что истоки его связанных с заговором устремлений следует искать за границей, там, где проходила его служба в 1917—1918 годах — в Париже и Лондоне. О возможной встрече Гумилева с Тухачевским в начале октября 1917 года в Париже сказано в публикации: Степанов Е. Поэт на войне. Часть 3. Выпуск 7 // Toronto Slavic Quarterly. № 31. Замечу еще, что кажущееся наивным сравнение Гумилевым Тухачевского с Бонапартом в 1921 году, скорее говорит о том, что он не так уж плохо разбирался в людях и политике, фактически, предугадав причину гибели будущего маршала. Например, недавно состоявшийся на телевизионном экране диспут в передаче «Суд времени» так и назывался: «Михаил Тухачевский — несостоявшийся Бонапарт или рядовая жертва сталинского террора?». Хотя А. Штейнберга не слишком серьезно отнесся к словам Гумилева, свой рассказ он завершил признанием: «Благодаря этому знакомству Ни-

принял новую власть и был готов с нею бороться?⁷⁶ Приведенный выше фрагмент первой главы «Поэмы без Героя», относящийся к «Поэту вообще», завершается строками:

И ни в чем неповинен: не в этом,
Ни в другом и ни в третьем...
Поэтам
Вообще не пристали грехи.

колай Степанович стал для меня не просто поэтом с именем, не просто офицером — а живым человеком, со своими очень своеобразными странностями, со своей поистине безумной храбростью, заставляющей его очертя голову бросаться в опасность».

Наконец, зафиксированный В. Сажиным рассказ Лазаря Васильевича Бермана (1894—1980), в юности поэта, на сборник стихов «Неотступная свита» которого Гумилев поместил рецензию в журнале «Аполлон», 1915, № 10. Берман во время войны вступил в партию эсеров, участвовал в мятеже, был арестован, но через некоторое время его отпустили. По его рассказу (Сажин-1990. С. 92), «именно Берман зимой 1920—1921 годов ввел Гумилева в круг заговорщиков. История такова. В 1914 году в Петрограде существовал 4-й запасной бронедивизион. Был зачислен в него и Берман <...>. Многих объединяла тогда принадлежность к эсеровской партии. Однако, со слов Бермана, в конце 1910-х годов он отошел от партийной работы, сохранив при этом дружеские отношения со своими единомышленниками. Зная об этом, Гумилев обратился в ту пору к Берману с просьбой устроить ему конспиративную встречу с эсерами, объясняя это желанием послужить России. После неудачных попыток отговорить Гумилева от опасного шага Берман согласился выполнить его просьбу. При этом он предупредил заговорщиков, что с ними желает познакомиться один из лучших поэтов России (фамилия не называлась) и просил использовать его лишь в случае крайней необходимости. На эту встречу, с удивлением рассказывал Берман, Гумилев явился в известной всему Петрограду оленьей дохе, чем тотчас себя дезавуировал. О том, что Гумилева все-таки использовали в «деле», Берман узнал летом 1921 года, когда Николай Степанович обратился к нему за помощью: принес две пачки листовок разного содержания и предложил поучаствовать в их распространении. Одна из листовок начиналась антисемитским лозунгом. «Связной» возмутился: «Понимаете ли вы, что предлагаете мне, Лазарю Берману, распространять?» Гумилев с извинениями отменил свою просьбу. Вскоре последовал арест поэта, затем казнь». Когда Сажин в 1974 году записывал воспоминания Бермана на магнитофон, при записи только этого сюжета 80-летний старик Берман попросил выключить магнитофон. Поэтому, не имея документального подтверждения, В. Сажин не обнародовал рассказ Бермана до тех пор, пока он не получил его подтверждения с неожиданной стороны. Как он пишет, «я ничем не мог подкрепить его рассказ. Но вот И. Одоевцева в интервью журналу «Вопросы литературы» (1988, № 12) обронила фразу, которая, на мой взгляд, убедительно подтверждает подлинность упомянутого рассказа. Оценивая степень участия Гумилева в конспиративной деятельности в 1921 году, накануне ареста, Одоевцева упомянула одного «малоизвестного поэта», которого Николай Степанович назвал ей в качестве лица, причастного к «делу». «Я, к сожалению, не помню его фамилии, — посетовала Одоевцева, — только строку из его стихотворения почему-то запомнила...» Надо отдать должное памяти поэтессы — хотя она не всегда точна в своих мемуарах, но здесь почти безошибочно воспроизвела — и это по прошествии 70 лет! — строфу из стихотворения Бермана». Припомнив строки, она продолжала: «После расстрела Гумилева он ко мне

Проплясать пред Ковчегом Завета

Или сгинуть!..

Да что там! Про это

Лучше их рассказали стихи...

Так что «в этом» он был все-таки повинен. И на допросе предпочел сказать правду, чтобы после этого — «сгинуть». Хотя все подробности мы вряд ли когда узнаем, но это теперь не столь уж важно. Главное понять отношение Ахматовой к нему, пусть «задним числом», «из года сорокового, как с башни» — как к жертве, как к Герою, ставшему, в ее глазах, «первым убитым на войне» с новой властью, причем жертве — не случайной. Говоря в своих «Записных книжках», что «Гумилев — поэт еще не прочитанный», она продолжала⁷⁷: «Визионер и пророк. Он предсказал свою смерть с подробностями вплоть до осенней травы⁷⁸. Это он сказал: «На тяжелых и гул-

---

забежал, спрашивал, что делать, я посоветовала сидеть тихо, никуда не уезжать. И действительно его не тронули». Заметим, что и сама И. Одоевцева вспоминала о том, как она случайно узнала в причастности Гумилева к заговору, когда увидела деньги в его доме (Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988. С. 275—277). Однако долгое время считалось дурным тоном принимать ее слова на веру, так как из Гумилева упорно пыгались сделать невинную жертву. Зачем? В совокупности рассказы всех этих свидетелей, с моей точки зрения, выглядят достаточно убедительно и говорят о явной причастности Гумилева к борьбе, пусть и наивной, — с господствовавшей властью большевиков, что отнюдь не принижает его образ.

⁷⁴ Перченко-1995. С. 366.

⁷⁵ Там же. С. 370.

⁷⁶ В опубликованном «Протоколе допроса» от 18 августа 1921 года Гумилев прямо заявил, что «в начале Кронштадтского восстания ко мне пришел Вячеславский с предложением доставлять для него сведения и принять участие в восстании, когда оно будет переноситься в Петроград. От дачи сведений я отказался, а на выступление согласился, причем сказал, что мне, по всей вероятности, удастся в момент выступления собрать и повести за собой кучку прохожих, пользуясь общим оппозиционным настроением. Я выразил также согласие на попытку написания контрреволюционных стихов...» И в последнем, четвертом протоколе, от 23 августа, за два дня до расстрела, Гумилев подтвердил: «Чувствую себя виновным по отношению к существующей в России власти в том, что в дни Кронштадтского восстания был готов принять участие в восстании, если бы оно перекинулось в Петроград...» (Лукницкий С. Есть много способов убить поэта... М., 2002. С. 78—80. Листы следственного дела ВЧК № 214224 — л. 86 и л. 88).

⁷⁷ Ахматова-ЗК-1996. С. 251. Ахматова повторяет почти все стихотворения, указанные выше при описании «Линии отсутствующего Героя».

⁷⁸ Скорее всего, Ахматова подразумевала концовку знаменитого стихотворения «Рабочий», написанного весной 1916 года в начале офицерской службы в 5-м Гусарском Александрийском полку в Латвии:

Пуля им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,

ких машинах»⁷⁹ и еще страшнее («Орел» — ...), «Для старцев все запретные труды» и, наконец, главное: «Земля, к чему шутить со мною...». Ахматову постоянно преследовали строки из еще одного «космического» произведения Гумилева — поэмы «Звездный ужас», завершающей сборник «Огненный столп»: «Горе! Горе! Страх, петля и яма // Для того, кто на земле родился...». Она долго искала и нашла источник этих строк — «Страх и яма, и петля на тебя, туземец! (Исаия, гл. 24, стих. 17)»⁸⁰. Эти же гумилевские строки преследовали Осипа Мандельштама. Н. Я. Мандельштам вспоминала, что незадолго до своего ареста, когда «Нарбута уже не было. Маргулиса уже не было. Клычкова уже не было. Многих уже не было. О. М. бормотал гумилевские строчки — «горе, горе, страх, петля и яма», но потом снова радовался жизни и утешал меня, что все образуется»⁸¹. Как бы ни так...

«Девятьсот тринадцатый год», когда безумствовал «Маскарад» «Петербургской повести», отделен от года, когда «своя» пуля отыскала грудь Поэта, всего восемью годами. Из них половина пришлась на Великую войну, в которой Николай Гумилев участвовал с первого до последнего дня. Чтобы понять, насколько приложимо к нему слово «Герой», и уяснить его место в «Поэме без Героя», — необходимо подробно и документально точно рассказать о каждом дне этого военного четырехлетия, с августа 1914-го года по апрель 1918-го года. Что автором было и сделано в опубликованных в журнале выпусках «Поэт на войне».

Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек.

⁷⁹ «Нам брести в смертоносных равнинах, // Чтоб узнать, где родилась река, // На тяжелых и гулких машинах // Грозовые пронзать облака». Из стихотворения «Родос», вошедшего в посвященный Анне Ахматовой раздел сборника «Чужое небо» (ПСС-2. № 69). Само стихотворение — отклик на смерть Маши Кузьминой-Караваевой 11 декабря 1911 года и посвящено ее памяти.

⁸⁰ Ахматова-ЗК-1996. С. 3—4, 220. В принятом сейчас каноническом переводе Библии эта фраза звучит несколько иначе (Исаия, 24—17) — «17. Ужас и яма и петля для тебя, житель земли!».

⁸¹ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М, 1989. С. 269.